

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 18 filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Иосиф Флавий Иудейские древности.

Книга восемнадцатая.

Глава первая.

1. Сенатор Квириний, который раньше занимал все государственные должности и проложил себе дорогу к консульству, человек, пользовавшийся во всех делах огромным влиянием, явился в Сирию, куда его посылал император для того, чтобы творить суд и оценить все имущество населения[1]. Вместе с ним был послан и Копоний, происходивший из всаднического сословия[2]. Ему была предоставлена верховная власть [прокуратора] над всею Иудеею. Затем в Иудею, которая тем временем вошла в состав Сирии, прибыл и Квириний, желая совершить общую перепись[3] и конфисковать имущество Архелая.

Хотя иудеи при первых слухах о переписи с самого начала были возмущены этим, но в конце концов оставили всякую мысль о сопротивлении, благодаря увещаниям первосвященника Иоазара, сына Бозта. Уступая увещаниям Иоазара, они, наконец, беспрепятственно допустили расценку своего имущества. Однако некий галилеянин Иуда, происходивший из города Гамалы, вместе с фарисеем Саддуком стал побуждать народ к оказанию сопротивления, говоря, что допущение переписи поведет лишь к рабству[4]. Они побуждали народ отстаивать свою свободу. Их не может постигнуть неудача, говорили они, потому что налицо самые благоприятные условия; даже если народ ошибется в своих расчетах, он создаст себе вечный почет и славу своим великодушным порывом; Предвечный лишь в том случае окажет иудеям поддержку, если они приведут в исполнение свои намерения, особенно же, если они, добиваясь великого, не отступят перед осуществлением своих планов.

Народ свосторгом внимал этим речам, и таким образом предприятие получило еще более рискованный характер. Не было большего бедствия для нашего простонародья, как то, какое готовили ему вышеназванные люди. Благодаря постоянным войнам иудеи более уже не были в состоянии оказывать кому бы то ни было сопротивления; друзей, которые могли бы поддержать их в трудную минуту, тем более не было; зато происходили постоянные разбойничьи набеги и умерщвления наиболее именитых граждан под предлогом преследования общего блага, на самом же деле для того, чтобы палачи могли пользоваться имуществом умерщвленных. Отсюда возникли всевозможные возмущения, происходил ряд политических убийств, отчасти вследствие кровопролитной междоусобной борьбы, так как люди, озверев, кидались друг на друга и в своем увлечении не желали оставлять в живых никого из своих противников, отчасти же вследствие избиения врагов. Наконец наступил голод, доводящий людей до крайнего бесстыдства; города брались насильно и разрушались, пока наконец эта смута не довела до того, что сам храм Предвечного стал жертвою пламени, брошенного врагами. Такое горе и такие осложнения приносят с собою нарушение и отвержение родных установлений для всех участников этого дела. Между тем Иуда и Саддук ввели у нас четвертую философскую школу. Имея большое число горячих приверженцев, они не только в настоящий момент преисполнили государство смуту, но и необычными философскими учениями положили на будущее время начало всевозможных бедствий.

Я думаю на этом несколько подробнее остановиться, особенно уже потому, что гибель нашему государству принесла ревностно приверженная этому учению молодежь.

2. У иудеев с давних пор существовали три философских школы, основывавшиеся на толковании древних законов: школы эссеев, саддукеев и фарисеев[5]. Нам уже приходилось говорить о них во второй книге [нашей] "Иудейской войны"[6], но вместе с тем я и здесь готов в немногих словах упомянуть о них.

3. Фарисеи ведут строгий образ жизни и отказываются от всяких удовольствий. Всему тому, что разум признает за благо, они следуют, считая разум лучшим охранителем во всех желаньях. Они выдаются своим почтительным отношением к людям престарелым и отнюдь не осмеливаются противоречить их предначертаниям. По их мнению, все совершающееся происходит под влиянием судьбы. Впрочем, они несколько не отнимают у человека свободы его воли, но признают, что по предначертанию Божию происходит смешение Его желания с желанием человека, идти ли ему по пути добродетеля или злобы. Фарисеи верят в бессмертие души и что за гробом людей ожидает суд и награда за добродетель или возмездие за преступность при жизни; грешники подвергаются вечному заключению, а добродетельные люди имеют возможность вновь воскреснуть[7]. Благодаря этому они имеют чрезвычайное влияние на народ, и все священнодействия, связанные с молитвами или принесением жертв, происходят только с их разрешения. Таким образом, отдельные общины засвидетельствовали их добродетель, так как все были убеждены, что фарисеи

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 18 filosoff.org
на деле и на словах стремятся лишь к наиболее высокому.

4. По учению саддукеев, души людей умирают вместе с телом; они не признают никаких других постановлений, кроме постановлений закона. Они считают даже похвальным выступить против учителей своей собственной философской школы. Это учение распространено среди немногих лиц, притом принадлежащих к особенно знатным родам. Впрочем, влияние их настолько ничтожно, что о нем и говорить не стоит. Когда они занимают правительственные должности, что случается, впрочем, редко и лишь по принуждению, то саддукеи примыкают к фарисеям, ибо иначе они не были бы терпимы простонародьем.

5. Учение ессеев[8] требует все предоставлять на волю Божию; они признают бессмертие душ и считают стремление к справедливости высшею целью. В храм они доставляют пожертвования, но сами они не занимаются жертвоприношениями, признавая другие способы очищения более целесообразными. Поэтому им запрещен доступ в общий храм и они совершают свое богослужение отдельно. Впрочем, это наилучшие люди, которые всецело отдаются земледельческому труду. Достоинство удивления то чувство справедливости у них, которое они, помимо всех прочих народов, ставят не ниже добродетели и которого не знают ни греки, ни другие народы. Это столь в них развитое чувство укоренилось у них не со вчерашнего дня, а издревле, и в силу его они не препятствуют никому жить со всеми общею, равною жизнью: имущество у них общее, и богач пользуется у них не большим, чем ничего не имеющий бедняк. Такой образ жизни ведут эти люди, и число их превышает четыре тысячи человек. Они не имеют ни жен, ни рабов, полагая, что женщины ведут лишь к несправедливостям, а вторые подают повод к недоразумениям. Живя сами по себе, они услуживают друг другу. Для заведования доходами и плодами земли они с помощью голосования избирают наиболее достойных лиц из священнического сословия; последние и должны заботиться о доставлении хлеба и прочих съестных припасов. Они живут все одинаково и наиболее подходят к тем дакийским племенам, которые носят название полистов[9].

6. Родоначальником четвертой философской школы стал галилеянин Иуда. Приверженцы этой секты во всем прочем вполне примыкают к учению фарисеев. Зато у них замечается ничем не сдерживаемая любовь к свободе. Единственным руководителем и владыкою своим они считают Господа Бога. Идти на смерть они считают за ничто, равно как презирают смерть друзей и родственников, лишь бы не признавать над собою главенства человека. Так как в этом лично может убедиться воочию всякий желающий, то я не считаю нужным особенно распространяться о них. Мне ведь нечего бояться, что моим словам о них не будет придано веры; напротив, мои слова далеко не исчерпывают всего их великодушия и готовности их подвергаться страданиям. Народ стал страдать от безумного увлечения ими при Гессии Флоре, который был наместником и довел иудеев злоупотреблением своей власти до восстания против римлян[10]. Таковы были философские школы иудеев.

Глава вторая

1. Секвестровав имущество Архелая и окончив перепись в тридцать седьмом году после поражения Антония Цезарем Августом при Акции[11], Квирий сместил первосвященника Иоазара за то, что он не поладил с народом, и назначил на его место Анана, сына Сефа[12]. Ирод[13] и Филипп получили каждый по предназначенной им тетрархии[14]. Ирод затем окружил стенами Сепфорис, красивейший город всей галилейской страны, и посвятил его императору, а другой город, Вифарамфту, он также окружил стеною и назвал его в честь императрицы Юлиадою. Филипп, со своей стороны, отстроил расположенную у истоков Иордана Панеаду и назвал ее Кесарией. Местечко Вифсаиду[15], расположенное у Генисаретского озера, он обратил в город, увеличив число жителей и снабдив его всем нужным, и назвал его Юлиадою в честь Юлии, дочери императора.

2. При прокураторе Колонии, который, как я упомянул, прибыл в Иудею вместе с Квиринием, произошло следующее событие: во время праздника опресноков, носящего у нас название Пасхи, в полночь священнослужители обыкновенно открывали врата храма. Когда они и на этот раз последовали этому обычаю, несколько тайно прибывших в Иерусалим самарян разбросали под сводами галерей человеческие кости[16]. Вследствие этого пришлось, чего раньше никогда не было, никого не впускать в храм и вообще снабдить последний большею охраною.

Вскоре после этого Колоний возвратился в Рим, и преемником ему стал Марк Амбивий[17]. При нем умерла Саломея, сестра царя Ирода Великого, оставив [императрице] Юлии Ямнию, всю топархию, расположенный на равнине город Фазаелиду и город Архелаиду, где находились огромные плантации пальм с наилучшими плодами. После Амбивия наместником стал Анней Руф[18], при котором умер второй римский император после пятидесяти семи лет, шести месяцев и двух дней правления (в течение этого периода он четырнадцать лет

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 18 filosoff.org делил власть с Антонием) в семидесятисемилетнем возрасте[19]. Преемником ему на престоле стал Тиберий Нерон, сын его от императрицы Юлии[20]. Он был, следовательно, третьим римским императором. При нем был послан в Иудею пятый наместник, преемник Аннея Руфа, Валерий Грат[21]. Он сместил первосвященника Анана и поставил на его место Исмаила, сына Фаби. Впрочем, недолго спустя он уволил и Исмаила и назначил на его место Элеазара, сына первосвященника Анана. По прошествии года он удалил и его и передал этот пост Симону, сыну Камифа. Однако и последний удержался не более года, и преемником ему был назначен Иосиф, прозванный также Каиафой. После всего этого Грат возвратился в Рим, проведя в Иудее одиннадцать лет, и вместо него прибыл его преемник Понтий Пилат.

3. Тетрарх Ирод, находившийся в очень дружественных отношениях с Тиберием, основал в честь последнего в самой плодородной местности Галилеи[22], у Генисаретского озера, город Тивериаду[23]. Невдалеке отсюда, в деревушке Аммаус, находятся горячие ключи. Здесь были поселены всевозможные пришельцы отовсюду, в числе которых было немало галилеян, множество насильно удаленных и отправленных в ссылку людей, а также несколько высокопоставленных лиц. Сюда же были привлечены для поселения всевозможные набранные отовсюду бедняки, равно как целый ряд лиц, свободное происхождение которых не было даже установлено. Всем им тетрарх предоставил права свободнорожденных граждан и дал им различные преимущества; а для того чтобы привязать их к городу, он настроил жилища и дал им земельные участки. Он отлично понимал, что поселение здесь людей было, собственно, противно иудейским законам, вследствие того, что Тивериада была основана на месте множества находившихся здесь и разрытых с этою целью могил. Тут закон постановлял, что жители должны считаться ритуально нечистыми в течение семидневного срока.

4. Около этого времени пал от руки сына своего фраатака парфянский царь фраат[24]. Поводом к этому послужило следующее: хотя у фраата были законные дети, однако он взял себе в наложницы итальянскую рабыню формусу, которую прислал ему в числе даров Юлий Цезарь. Сперва он находился с нею в незаконном сожителстве, но с течением времени, увлеченный ее красотой, женился на ней и сделал ее своею законною супругою. После того как она успела родить ему сына фраатака, она вскоре достигла огромного влияния на царя и задумала приложить все старания, чтобы укрепить за своим сыном престол парфянский. Впрочем, она [вскоре] увидела, что достигнет этого не иначе как если коварным образом избавится от законных детей фраата. Тогда она стала уговаривать последнего отправить законных детей в Рим в качестве заложников. Так оно и было сделано (фраат не был в состоянии отказать формусе в чем бы то ни было), и фраатак, оставшись один, получал теперь подготовку к будущему правлению. Но вместе с этим юноше показалось слишком долгим ждать смерти отца для получения престола, и потому он задумал умертвить отца при содействии своей матери, с которою, как гласила молва, он даже находился в преступной связи. Все это, т. е. Отцеубийство, равно как кровосмешение с матерью, возбудило в одинаковой мере ненависть к нему его подданных, и поэтому он, не успев достигнуть совершеннолетия, потерял власть[25] во время мятежа и был убит. Тогда, однако, наиболее родовитые парфяне пришли к заключению, что им невозможно жить без царя. Последний должен был, иначе это противоречило бы закону, происходить непременно из рода Аршакидов, тем более, что и раньше неоднократно, да и теперь происходили в правлении затруднения вследствие наличности итальянской наложницы и ее потомства. Поэтому они отправили депутацию к Орду[26] и просили его сесть на престол. Впрочем, этот человек, по своей гнусности, легкой раздражительности и крайней жестокости, вскоре заслужил ненависть всего народа, хотя и принадлежал к царскому роду. Решив убить его, заговорщики привели свой план в исполнение, по мнению некоторых, во время пиршества за столом (парфяне никогда не расстаются со своими мечами), а по мнению большинства, во время охоты. Потом парфяне послали в Рим и стали просить себе царя из числа тамошних заложников. Преимущество перед прочими братьями было оказано Вонону[27], который теперь стал думать, что судьба улыбнулась ему, так как царство предлагали ему две крупнейшие державы в мире, его собственная страна и чужая [ему Римская империя]. Впрочем, варвары, вообще по природе своей не отличающиеся устойчивостью, быстро раскаялись в своем выборе, считая последний и неуместным, и бесславным, так как не хотели повиноваться чужеземному рабу: заложничество они признавали рабством, да и к тому же царь у них появился не в результате правильной войны, но, что было гораздо хуже, был им позорно навязан в мирное время. Поэтому они немедленно признали на царство мидийского[28] правителя Артабана, происходившего из рода Аршакидов. Артабан принял это приглашение и явился к ним с войском. Навстречу ему выступил Вонон, а так как первоначально парфяне еще оставались верны последнему, то в происшедшей

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 18 filosoff.org
затем битве он победил своего соперника и Артабан должен был бежать к пределам Мидии. Вскоре, впрочем, Артабан набрал новое большое войско и сразился с Вононом, которого ему удалось победить. Вонон умчался верхом в сопровождении немногих приверженцев в Селевкию[29]. Учинив затем страшную резню среди не оправившегося еще от ужаса парфянского войска, Артабан двинулся во главе своей многочисленной рати к Ктесифону. Таким образом он стал наконец царем парфянским[30], а Вонон бежал в Армению[31]. Тут он продолжал сначала домогаться своей страны и отправил посольство к римлянам. Однако Тиберий ответил ему отказом, как вследствие его малодушия, так и по причине угроз Артабана (который, в свою очередь, отправил послов с извещением, что он начнет войну). Так как теперь уже не было никакой возможности вернуть престол, тем более, что и могущественные, жившие около Нифаты[32], армянские князья примкнули к Артабану, Вонон отдался под покровительство сирийского претора Силана. Последний, принимая во внимание римское воспитание Вонона, оставил его у себя в Сирии, Артабан же отдал Армению одному из своих сыновей, именно ороду.

5. Тем временем умер также царь Коммагены, Антиох[33]. При этом простонародье восстало против знати; обе партии послали [в Рим] депутации. Знать просила обратить область в римскую провинцию, народ, однако, желал иметь по-прежнему своих царей. Сенат решил отправить Германика для улаживания положения на востоке[34], но здесь судьба уготовила Германику найти смерть. Прибыв на восток и устроив там все дела, он был отравлен Пизоном, как о том рассказывается в других источниках[35].

Глава третья

1. Когда претор[36] Иудеи Пилат повел свое войско из Кесарии в Иерусалим на зимнюю стоянку, он решил для надругания над иудейскими обычаями внести в город изображения императора на древках знамен. Между тем закон наш возбраняет нам всякие изображения. Поэтому прежние преторы вступали в город без таких украшений на знаменах. Пилат был первым, который внес эти изображения в Иерусалим, и сделал это без ведома населения, вступив в город ночью. Когда узнали об этом, население толпами отправилось в Кесарию и в течение нескольких дней умоляло претора убрать изображения. Пилат не соглашался, говоря, что это будет оскорблением императора, а когда толпа не переставала досаждать ему, он на шестой день приказал своим воинам тайно вооружиться, поместил их в засаде в здании ристалища, а сам вошел на возвышение, там же сооруженное. Но так как иудеи опять возобновили свои просьбы, то он дал знак и солдаты окружили их. Тут он грозил немедленно перерубить всех, кто не перестанет шуметь и не удалится восвояси. Иудеи, однако, бросились на землю, обнажили свои шеи и сказали, что они предпочитают умереть, чем допускать такое наглое нарушение мудрого закона. Пилат изумился их стойкости в соблюдении законов, приказал немедленно убрать из Иерусалима [императорские] изображения и доставить их в Кесарию.

2. Затем Пилат соорудил водопровод в Иерусалиме. На это он употребил деньги святилища. Водопровод питался ключами, находившимися на расстоянии двухсот стадий от города. Однако население воспротивилось этому, и много десятков тысяч иудеев собралось около рабочих, занятых сооружением водопровода, и стало громко требовать, чтобы наместник оставил свой план. Как то обыкновенно бывает в таких случаях, некоторые из них позволили себе при этом оскорбить Пилата ругательствами. Последний распорядился переодеть значительное число солдат, дал им дубины, которые они должны были спрятать под плащом, и велел им окружить толпу со всех сторон. Толпа, в свою очередь, получила приказание разойтись. Но так как она продолжала поносить его, то он подал воинам условный знак и солдаты принялись за дело гораздо более рьяно, чем то было желательно самому Пилату. Работая дубинами, они одинаково поражали как шумевших мятежников, так и совершенно невинных людей. Иудеи, однако, продолжали держаться стойко; но так как они были безоружны, а противники их вооружены, то многие из них тут и пали мертвыми, а многие ушли, покрытые ранами. Таким образом было подавлено возмущение.

3. Около этого времени жил Иисус, человек мудрый, если Его вообще можно назвать человеком. Он совершил изумительные деяния и стал наставником тех людей, которые охотно воспринимали истину. Он привлек к себе многих иудеев и эллинов. То был Христос. По настоянию наших влиятельных лиц Пилат приговорил Его к кресту. Но те, кто раньше любили Его, не прекращали этого и теперь. На третий день он вновь явился им живой, как возвестили о Нем и о многих других Его чудесах боговдохновенные пророки. Поньше еще существуют так называемые христиане, именующие себя таким образом по Его имени[37].

4. Около этого же самого времени другое горе постигло иудеев. Впрочем, об этом после. В это же самое время не прекращались в Риме бесстыдства, совершавшиеся в храме богини Исиды[38]. Поэтому я сперва упомяну о последнем, а затем перейду уже к рассказу о судьбе иудеев.

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 18 filosoff.org

В Риме жила некая знатная и славившаяся своею добродетелью женщина, по имени Паулина. Она была очень богата, красива и в том возрасте, когда женщины особенно привлекательны. Впрочем, она вела образцовый образ жизни. Замужем она была за неким Сатурнином, который был так же порядочен, как и она, и не уступал ей в хороших качествах. В эту женщину влюбился некий Деций Мунд, один из влиятельнейших тогда представителей всаднического сословия. Так как Паулина была слишком порядочная женщина, чтобы ее можно было купить подарками, как он узнал от подосланных лиц, Деций возгорел еще большим желанием обладать ею, так что обещал за единожды дозволенное сношение с нею заплатить ей целых 200 000 аттических драхм. Однако Паулина не склонилась и на такое щедрое вознаграждение, и тогда юноша, не будучи далее в силах переносить муки [неудовлетворенной] любви, решил покончить с собою и умереть голодной смертью. Решив это, он не откладывал исполнения этого решения в долгий ящик и сейчас же приступил к нему. У Мунда жила одна бывшая вольноотпущенница отца его, некая Ида, женщина, способная на всякие гнусности. Видя, как юноша чахнет и озабоченная его решением покончить с собою, она явилась к нему и, переговорив с ним, выразила твердую уверенность, что при известных условиях вознаграждения сможет ему доставить возможность иметь Паулину. Юноша обрадовался этому, и она сказала, что ей будет достаточно всего 50 000 драхм для того, чтобы овладеть Паулиною. Подбодрив таким образом Мунда и получив от него требовавшуюся сумму денег, она пошла не тою дорогою, какою пошел он, так как видела, что той женщины за деньги не купишь. С другой стороны, зная, как ревностно относится Паулина к культуре Исиды, она выдумала следующий способ добиться своей цели: явившись к некоторым жрецам [Исиды] для тайных переговоров, она сообщила им, под величайшим секретом, скрепленным деньгами, о страсти юноши и обещала сейчас выдать половину всей суммы, а затем остальные деньги, если жрецы как-нибудь помогут Мунду овладеть Паулиною. Жрецы, побужденные громадностью суммы, обещали свое содействие. Старший из них отправился к Паулине и просил у нее разрешения переговорить с нею наедине. Когда ему это было позволено, он сказал, что явился в качестве посланца от самого бога Анубиса[39], который-де пылает страстью к Паулине и зовет ее к себе. Римлянке доставило это удовольствие, она возгордилась благоволением Анубиса и сообщила своему мужу, что бог Анубис пригласил ее разделить с ним трапезу и ложе. Муж не воспротивился этому, зная скромность жены своей. Поэтому Паулина отправилась в храм. После трапезы, когда наступило время лечь спать, жрец запер все двери. Затем были потушены огни, и спрятанный в храме Мунд вступил в обладание Паулиною, которая отдавалась ему в течение всей ночи, предполагая в нем бога. Затем юноша удалился раньше, чем явились жрецы, не знавшие об этой интриге. Паулина рано поутру вернулась к мужу, рассказала ему о том, как к ней явился Анубис и хвасталась перед ним, как ласкал ее бог. Слышавшие это не верили тому, изумлялись необычайности явления, но и не могли согласиться с таким невероятным событием, тем более, что знали целомудрие и порядочность Паулины. На третий день после этого события она встретилась с Мундом, который сказал ей:

"Паулина, я сберег 200 000 драхм, которые ты могла внести в свой дом. И все-таки ты не преминула отдаться мне. Ты пыталась отвергнуть Мунда. Но мне не было дела до имени, мне нужно было лишь наслаждение, а потому я и прикрылся названием Анубиса". С этими словами юноша удалился. Паулина теперь только поняла всю дерзость его поступка, разодрала на себе одежды, рассказала мужу о всей этой гнусности и просила его помочь ей наказать Мунда за это чудовищное преступление. Муж ее [немедленно] сообщил обо всем императору.

Подвергнув дело относительно участия жрецов самому строгому и точному расследованию, Тиберий приговорил к пригвождению к кресту их и Иду, которая была виновницею всего этого преступления, совершенного столь гнусно над женщиною. Затем он велел разрушить храм Исиды, а изображение богини бросить в реку Тибр. Мунда он приговорил к изгнанию, полагая, что наказал его таким образом достаточно за его любовное увлечение.

Таковы были позорные поступки жрецов храма Исиды.

Теперь я, по обещанию своему, возвращусь к рассказу о судьбе, постигшей в это время римских иудеев.

5. В это время из Иудеи бежал человек, боявшийся обвинения в нарушении некоторых законов и наказания за это. Вообще, это был гнусный человек. Он тогда проживал в Риме и соединился здесь с тремя подобными ему негодьями. К ним примкнула фульвия, знатная женщина, принявшая иудаизм. Они убедили ее послать пурпур и золото в Иерусалимский храм, и когда та сдала им это, то они присвоили его себе, как то и было их первоначальным намерением.

Тиберий, которому по желанию фульвии сообщил об этом муж ее Сатурнин, бывший с императором в дружественных отношениях, распорядился изгнать из Рима всех иудеев. Консулы выбрали из них четыре тысячи человек и послали их

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 18 filosoff.org
в качестве солдат на остров Сардинию. Гораздо большее число, однако, они
предали казни, потому что те отказались от участия в военной службе,
благодаря запрещению этого иудейскими законами[40].

Глава четвертая

1. Таким образом, иудеи, вследствие гнусности четырех человек, были изгнаны из города. Также и самаряне не удержались от возмущения. Их смутил некий лживый человек, который легко во всем влиял на народ. Он побудил их собраться к нему на гору Гаризим, которую они считают особенно священной. Тут он стал уверять пришедших [отовсюду] самарян, что покажет им зарытые здесь священные сосуды Моисея. Самаряне вооружились, поверив этой басне, и расположились в деревушке Тирафане. Тут к ним примкнули новые пришельцы, чтобы возможно большею толпою подняться на гору. Однако Пилат предупредил это, выслав вперед отряды всадников и пехоты, которые, неожиданно напав на собравшихся в деревушке, часть из них перебили, а часть обратили в бегство. При этом они захватили также многих в плен, Пилат же распорядился казнить влиятельнейших и наиболее выдающихся из этих пленных и беглецов.

2. Когда этим дело кончилось, представители верховного совета самарян явились к бывшему консулу Вителлию, который теперь был прокуратором сирийским[41], и стали обвинять Пилата в казни их погибших единоплеменников, говоря, что последние пошли в Тирафану вовсе не с целью отложиться от римлян, но для того, чтобы уйти от насилий Пилата. Тогда Вителлий послал Марцелла[42], одного из своих приближенных, в Иудею, чтобы принять там бразды правления, Пилату же велел ехать в Рим для ответа перед императором в возводимых на него обвинениях. Проведя в Иудее десять лет, Пилат поехал в Рим, так как не смел ослушаться приказания Вителлия. Но раньше, чем он успел прибыть туда, Тиберий умер[43].

3. После этого Вителлий поехал в Иудею и прибыл в Иерусалим как раз во время праздника Пасхи. Так как он был встречен радушно, то Вителлий навсегда освободил население от платежа налога на привозимые и продаваемые [в городе] плоды. Вместе с тем он разрешил держать первосвященническое облачение и все к этому относящееся в храме, предоставив надзор и охрану этих вещей священнослужителям, как то было некогда раньше. Теперь же эти облачения хранились обыкновенно в так называемой крепости Антония, по следующей причине: некий Гиркан, первый из целого ряда первосвященников, носивших это имя, построил себе вблизи храма башню, в которой обыкновенно и жил. Здесь у него хранилось его облачение, надевать которое он один только был вправе, и когда он уходил в город, то облакался в свою простую собственную одежду. Так поступали затем его сыновья и их дети. Овладев царством, Ирод Великий роскошно отстроил эту башню, названную им в честь своего друга Антония Антонию, и как нашел там первосвященническое облачение, так и продолжал хранить его там, не думая, что возбудит этим неудовольствие народа против себя. Такого же образа действий держался и преемник и сын его Архелай. Овладев областью последнего, римляне удержали у себя также облачение первосвященника, которое сохранилось в каменном здании, запечатанном печатями священнослужителей и казначеев, причем начальник стражи башни обязан был ежедневно заботиться о том, чтобы перед этим помещением всегда горел светильник. За семь дней до наступления праздника облачение выдавалось священнослужителям начальником стражи. Освятив облачение, первосвященник возвращал его через день после окончания праздников, и оно продолжало по-прежнему храниться в башне. Так делалось в каждый из трех больших ежегодных праздников и в день поста. Вителлий разрешил иудеям хранить облачение у себя и запретил вмешиваться в это дело начальнику стражи, но предоставить иудеям пользование облачением, когда в том представится надобность. Этим он расположил народ в свою пользу. Затем он сместил первосвященника Иосифа Каиафу и назначил на его место Ионатана, сына бывшего первосвященника Анана. После этого Вителлий вернулся обратно в Антиохию.

4. Тем временем Тиберий отправил Вителлию письмо, в котором просил его заключить дружественные сношения с парфянским царем Артабаном. Император опасался его враждебных действий, так как Артабан успел овладеть Арменией и мог подать повод к значительным осложнениям. При этом император указывал на то, что лишь в том случае может доверять Артабану, если он выдаст заложников и главным образом в числе их своего собственного сына. Вместе с этим письмом Вителлию Тиберий отправил значительные денежные подарки царям Иберии и Албании[44], убеждая их немедленно начать войну с Артабаном. Цари, однако, воздержались от такой войны, но напустили на Артабана скифов[45], предоставив последним свободный пропуск через свои владения и проход Каспийский. Таким образом, Артабан вновь лишился Армении, страна парфянская стонала под ужасами войны, наиболее влиятельные лица были убиты, везде царило полное смятение и сын самого царя пал со многими тысячами войска в

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 18 filosoff.org
одной из битв. Вителлий был готов умертвить старика Артабана и с этой целью за большие деньги подкупил друзей и родственников царя, но Артабан понял, что этот замысел будет приведен в исполнение, так как он окружен массой влиятельных лиц, которые не остановятся ни перед чем. Он ясно сознавал, что все его родственники подкуплены и лишь коварным внешним образом выказывают ему преданность, которая у них впоследствии немедленно изменится, когда они перейдут на сторону врагов. Поэтому он решил спастись бегством в свои горные сатрапии. Тут ему удалось впоследствии набрать большое войско из даев и саков [46], вступить затем в борьбу с противниками и вернуть себе власть [47].

5. При известии об этом Тиберий пожелал заключить с Артабаном дружественный союз. Получив приглашение в этом смысле, старик охотно принял предложение. Тогда Артабан и Вителлий встретились у берегов Евфрата. На реке был сооружен мост, и посередине этого моста они сошлись, сопровождаемые каждый отрядом своих телохранителей. После того как они обо всем условились, тетрарх Ирод угостил их в роскошной палатке, которую он с большими расходами велел для этой цели соорудить на самой середине моста. Вскоре после этого Артабан послал Тиберию в качестве заложника своего сына Дария и отправил императору богатые дары. В числе последних находился также некий иудей Элеазар, человек семи футов роста, прозванный за это гигантом. После того Вителлий вернулся в Антиохию, Артабан же в Вавилон.

Желая, чтобы император от него первого узнал о получении заложников, тетрарх Ирод отправил к нему посланных с письмами, где все было в точности донесено, так что консуляру (Вителлию) не приходилось ничего прибавить к этому. Когда император известил Вителлия, что он уже все знает из донесения Ирода, Вителлий страшно рассердился, видя в этом поступке [Ирода] большее оскорбление, чем то было на самом деле. Однако он подавил в себе гнев до тех пор, пока власть не перешла к Гаю Калигуле.

6. Тогда же, на двадцатом году правления Тиберия [48], умер и брат тетрарха Ирода, Филипп, после того как в течение тридцати семи лет правил Трахоном, Гавланитидой и Батанею. Его правление отличалось мягкостью и спокойствием. Он провел всю жизнь в пределах подчиненной ему области. Когда ему случалось выезжать, он делал это в обществе нескольких избранных. При этом за ним всегда возили его кресло, сидя на котором, он творил суд. Если по пути к нему являлся кто-либо с жалобой, то он, недолго думая, тут же ставил кресло, садился на него и выслушивал обвинителя. Виновных он тут же подвергал наказанию и немедленно отпускал тех, кого обвинили несправедливо. Филипп умер в Юлиаде. Труп его был доставлен в мавзолей, который он сам заранее воздвиг для себя, и торжественно похоронен там. Так как Филипп не оставил после себя потомства, то Тиберий взял его область себе и присоединил ее к Сирии. Впрочем, доходы с этой тетрархии он распорядился сохранить за нею.

Глава пятая

1. Около этого времени царь каменистой Аравии Арета и тетрарх поссорились между собою по следующей причине: Ирод был давно уже женат на дочери Ареты. Во время одного путешествия в Рим он заехал к своему сводному брату Ироду, который родился от дочери первосвященника Симона. Влюбившись в жену брата, Иродиаду (она была дочерью их общего брата Аристубула и сестрой Агриппы Великого), он рискнул предложить ей выйти за него замуж. Иродиада согласилась и сговорилась с ним войти в его дом, когда он возвратится из Рима. При этом было условлено, что Ирод прогонит дочь Ареты. После этого тетрарх отплыл в Рим, заключив вышеуказанный договор. Когда же он, по исполнению в Риме всего нужного, собирался вернуться домой, жена его, без его ведома успевшая разузнать все о его условии с Иродиадою, просила разрешения уехать в Махерон, находящийся как раз на границе владений Ареты и Ирода, причем никому не сказала о цели этой своей поездки. Ирод согласился, не предполагая, что жене его что-либо известно. Последняя между тем заранее послала в Махерон к начальнику, поставленному там ее отцом, просьбу приготовить все к дальнейшему путешествию. Затем она явилась сама и поехала тотчас же в Аравию, причем арабские князья последовательно сопровождали ее, пока она (довольно скоро) не приехала к отцу своему. Ему она рассказала о намерении Ирода. Арета на основании этого решил начать войну со своим зятем, именно на границах Гамалитиды. Собрав войска, обе стороны вступили в борьбу, причем вместо Ареты и Ирода сражались их военачальники. В происшедшей тут битве все войско Ирода было уничтожено, благодаря измене нескольких перебежчиков, которые примкнули к Ироду, принадлежа собственно к числу подданных тетрарха Филиппа. Ирод отписал об этом Тиберию. Император разгневался на образ действий Ареты, послал Вителлию приказ объявить ему войну и представить ему Арету либо живым в оковах, либо прислать ему его голову.

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 18 filosoff.org

2. Такой приказ отдал Тиберий сирийскому наместнику. Некоторые иудеи, впрочем, видели в уничтожении войска Ирода вполне справедливое наказание со стороны Господа Бога за убийство Иоанна. Ирод умертвил этого праведного человека, который убеждал иудеев вести добродетельный образ жизни, быть справедливыми друг к другу, питать благочестивое чувство к Предвечному и собираться для омовения. При таких условиях (учил Иоанн) омовение будет угодно Господу Богу, так как они будут прибегать к этому средству не для искупления различных грехов, но для освящения своего тела, тем более, что души их заранее уже успеют очиститься. Так как многие стекались к проповеднику, учение которого возвышало их души. Ирод стал опасаться, как бы его огромное влияние на массу (вполне подчинившуюся ему) не повело к каким-либо осложнениям. Поэтому тетрарх предпочел предупредить это, схватив Иоанна и казнив его раньше, чем пришлось бы раскаяться, когда будет уже поздно. Благодаря такой подозрительности Ирода Иоанн был в окопах послан в Махерон, вышеуказанную крепость, и там казнен. Иудеи же были убеждены, что войско Ирода погибло лишь в наказание за эту казнь, так как Предвечный желал проучить Ирода [49].

3. Приготовив для войны с Аретой два легиона и присоединив к ним тех легковооруженных и всадников, которых ему предоставили подвластные римлянам царьки, Вителлий между тем двинулся к Петре (столице Аравии) и прибыл [сперва] в Птолемаиду. Когда же он собрался повести свое войско через Иудею, к нему навстречу вышли наиболее влиятельные граждане и умоляли его не проходить через их страну, так как по закону они не вправе разрешить внесение в Иудею тех изображений, которые в таком значительном числе имеются на его знаменах. Вителлий согласился, изменил свое первоначальное решение и, велел войску идти по великой равнине, сам в сопровождении тетрарха Ирода и некоторых друзей своих поехал в Иерусалим, чтобы, ввиду наступления иудейского национального праздника, принести там жертву Предвечному. Здесь он был восторженно принят населением и пробыл там три дня, в течение которых отнял первосвященство у Ионатана и поставил на его место брата его Феофила. На четвертый день он получил письменное извещение о смерти Тиберия и потому заставил население присягнуть на верность императору Гаю Калигуле. Вместе с тем он отозвал также свое войско и распустил его на зимние стоянки, так как теперь, с переходом престола к Гаю, Вителлий не имел уже полномочия продолжать войну. Рассказывают, что и Арега, при известии о походе Вителлия, стал гадать по полету птиц и пришел к заключению, что неприятельское войско не дойдет до Петры: из военачальников сторон умрет либо тот, кто начал войну, либо тот, кто отдал приказание к выступлению войск, либо тот, против кого направлен весь поход. Таким образом, Вителлий вернулся в Антиохию. Тем временем сын Аристовула, Агриппа, за год до смерти Тиберия отправился в Рим, чтобы там, при первой представившейся возможности, добиться чего-либо от императора. Мне хочется здесь несколько подробнее остановиться на потомстве Ирода Великого, отчасти потому, что это потомство играло большую роль в истории, отчасти потому, что тут оправдывается положение, что ни обилие потомков, ни другая какая-либо находящаяся в распоряжении людей сила не имеет никакого значения, если люди не отличаются истинным благочестием. Ведь в течение столетнего периода почти все многочисленное потомство Ирода, за немногими исключениями, подверглось гибели. Вместе с тем каждому будет полезно ознакомиться с постигшими этих потомков бедствиями. Особенно интересна в этом отношении судьба наиболее выдающегося из них, Агриппы, который, происходя из совершенно второстепенной семьи, помимо всякого ожидания, достиг такой значительной власти. Правда, на эту тему мы говорили и раньше, но теперь я хотел бы остановиться на этом подольше.

4. У Ирода Великого было от Мариаммы, дочери Гиркана, две дочери. Одна из них, Салампсо, была выдана отцом своим замуж за своего двоюродного брата Фазаеля, сына брата Ирода того же имени. Другая дочь, Кипра, также вышла замуж за другого двоюродного брата своего, сына сестры Ирода, Саломеи. Салампсо родила Фазаелю пятерых детей, сыновей: Антипатра, Ирода и Александра, и дочерей Александру и Кипру. На последней женился Агриппа, сын Аристовула. Александра же вышла замуж за знатного киприйца, Тимия, и умерла бездетною. Кипра родила Агриппе двух мальчиков, Агриппу и Друза (из них последний умер ребенком), и трех дочерей: Беренику, Мариамму и Друзиллу. Отец их, Агриппа, когда-то воспитывался вместе с другими своими братьями. Иродом и Аристовулом. Все трое были детьми Береники и сына Ирода Великого. Береника в свою очередь была дочерью Костобара и сестры Ирода, Саломеи. Все они остались сиротами после казни, постигшей отца их Аристовула и его брата Александра, как мы рассказали уже выше. Когда они подросли, то поженились; именно указанный Ирод, брат Агриппы, взял себе в жены Мариамму, дочь олимпиады и внучку царя Ирода Великого. Мариамма была дочерью Иосифа, племянника Ирода. От нее Ирод имел сына Аристовула. Третий брат Агриппы,

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 18 filosoff.org также носивший имя Аристовула, женился на дочери эмессийского царя Сампсигерама, Иотапе, которая родила ему глухую дочь, также названную Иотапою. Это было потомство по мужской линии. Сестра их Иродиада вышла замуж за сына Ирода Великого, Ирода же, происходившего от Мариаммы, дочери первосвященника Симона. Она родила ему дочь Саломею. После рождения этой девочки Иродиада, вопреки нашим законам, вышла замуж за сводного брата своего мужа, именно за галилейского тетрарха Ирода, но разошлась и с ним еще при его жизни. Ее дочь Саломея вышла замуж за трахонского тетрарха Филиппа, сына Ирода [Великого]. Так как Филипп умер бездетным, то на ней женился Аристовул, сын Ирода и брат Агриппы. У них было трое детей: Ирод, Агриппа и Аристовул. Это, следовательно, было потомство фазаеля и Салампсо. У Кипры родилась от Антипатра дочь того же имени, на которой впоследствии женился Алекс Гелкий, сын Алексы, и от которой он также имел дочь Кипру. Братья же Антипатра, Ирод и Александр, умерли бездетными. У казненного царем Иродом Александра были от дочери каппадокийского царя Архелая сыновья Александр и Тигран. Последний стал царем Армении и умер бездетным после обвинений, возведенных на него в Риме. У Александра же родился сын, прозванный в честь дяди своего Тиграном. Нерон сделал его царем Армении, и у него родился сын Александр. Последний женился на Иотапе, дочери коммагенского царя Антиоха, и был провозглашен Веспасианом царем киликийского острова. Все потомство Александра сейчас же при рождении оставляло старинные иудейские обычаи и жило по образцу греков. Остальные дочери царя Ирода умерли бездетными. А так как перечисленные мною потомки Ирода были еще в живых в то время, когда Агриппа Великий овладел престолом, то мне остается теперь рассказать, какие превратности судьбы постигли Агриппу и как он, преодолев их, сумел добиться величайшего почета и власти.

Глава шестая

1. Незадолго до смерти царя Ирода Великого Агриппа жил в Риме, где очень сдружился со своим сверстником Друзом, сыном императора Тиберия [50]. Вместе с тем он сблизился также с Антонию, женою Друза Великого (т. е. старшего) [51]. Антония очень ценила мать Агриппы, Беренику, и хотела вывести в люди также сына ее. Будучи по характеру своему человеком широким и в высшей степени щедрым, Агриппа, однако, сдерживал себя в этом отношении, пока была жива его мать, так как боялся возбудить ее гнев. Когда же Береника умерла и он стал самостоятелен, Агриппа растратил свои средства отчасти постоянными ежедневными кутежами, отчасти путем той расточительности, с которою он раздавал деньги. Наиболее значительные суммы пошли в карманы императорских вольноотпущенников [52], так как Агриппа рассчитывал на их поддержку. Вскоре он впал в такую бедность, что не мог долее жить в Риме. Кроме того и Тиберий запретил друзьям своего [недавно] скончавшегося сына показываться ему, чтобы вид их не вызывал в нем горестных воспоминаний о покойном.

2. Вследствие этого Агриппа отплыл в Иудею. Он был убит потерей всех своих денег, а также невозможностью уплатить долги кредиторам, которых было много и которые не давали ему случая как-нибудь скрыться. Не зная, что делать, и мучимый стыдом, он отправился в идумейскую крепость Малафу, чтобы там покончить самоубийством. Об этом намерении узнала его жена Кипра и стала употреблять все усилия, чтобы помешать приведению его в исполнение. Так, например, она отправила жене тетрарха Ирода, сестре своей Иродиаде [53], письмо, в котором рассказала о намерении Агриппы и о том, что его к этому побудило, и просила ее как родственницу помочь ее мужу выпутаться, причем указывала на свои собственные в этом направлении попытки, несмотря на то, что она сама не обладала такими крупными средствами. Иродиада и муж ее послали за Агриппою, дали ему для жительства Тивериаду, определили ему вместе с тем известную сумму денег на содержание и дали ему звание тивериадского агораном [54]. Вскоре, однако, Ирод изменил свое решение относительно зятя, хотя то, что он для него сделал, вовсе не удовлетворяло Агриппу. Однажды в Тире во время пиршества возникли у них за вином какие-то разногласия; Ирод стал ругать зятя бедняком и укорять его в том, что он получает свое пропитание от него. Этого не снес Агриппа; он тотчас отправился к консуляру Флакку [55], с которым был когда-то в Риме особенно дружен и который теперь был сирийским наместником.

3. Флакк его принял любезно и дал ему помещение, приняв к себе раньше также брата Агриппы, Аристовула, с которым Агриппа, впрочем, жил в ссоре. Однако, несмотря на их взаимную вражду, консуляр одинаково дружественно относился к ним обоим и одинаково почитал их. Впрочем, Аристовул успокоился не раньше, чем во вражде своей к брату восстановил против него также и Флакка, причем поводом к этому послужило следующее обстоятельство: жители Дамаска спорили с сидонцами относительно правильности границ. Флакк собирался разрешить их распрю. Зная, каким влиянием пользуется Агриппа у Флакка, они решили

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 18 filosoff.org
просить его о заступничестве и обещали ему за это крупную сумму денег. Агриппа постарался сделать все в пользу дамасцев. Между тем Аристокл, который узнал об обещанной брату взятке, донес о том флакку. Так как при расследовании этот донос оказался правильным, то флакк порвал свою дружбу с Агриппой и прогнал его от себя. Впав таким образом опять в крайнюю бедность, Агриппа отправился в Птолемаиду, а так как ему ни здесь ни в другом месте не представлялось возможности жить, он решил ехать в Италию. Однако он был стеснен в деньгах. Поэтому он просил своего вольноотпущенника Марсию занять у кого-нибудь для него нужную сумму. Марсия обратился к некоему Петру, вольноотпущеннику Береники, матери Агриппы, которая, однако, в завещании передала его в распоряжение [своей подруги] Антонии, и просил его выдать ему деньги под письменное обязательство Агриппы с его поручительством. Петр, однако, который был зол на Агриппу за то, что потерял за ним несколько денег, потребовал от Марсии расписку в получении двадцати тысяч аттических драхм, хотя и выдал ему на две с половиною тысячи меньше. Марсия должен был согласиться на это, так как иначе ничего нельзя было сделать.

Получив эти деньги, Агриппа поехал в Амфедон, где нанял корабль, чтобы отправиться в дальнейший путь. Узнав об этом, наместник ямнии, Геренний Капитон, выслал военный отряд с тем, чтобы вытребовать от Агриппы триста тысяч сестерций, взятых им в Риме из императорской казны, и вместе с тем распорядился насильно задержать должника. Агриппа внешне подчинился последнему распоряжению, с наступлением же ночи велел перерубить канаты и отплыл в Александрию. Тут он просил алабарха[56] Александра дать ему займы двести тысяч драхм. Александр отказал ему в этом, но согласился выдать эту сумму под поручительство Кипры, из уважения к ее преданности мужу и вообще за ее порядочность. Кипра дала свое поручительство. Тогда Александр выдал им в Александрии пять талантов, а остальные обещал вручить в Дикеархее по прибытии туда Агриппы: он знал и боялся расточительности последнего. Кипра затем простилась с мужем, который поехал в Италию, и возвратилась с детьми своими в Иудею.

4. Прибыв в Путеолы[57], Агриппа отправил письмо императору Тиберию, находившемуся тогда на острове Капрее[58], извещая его о своем приезде и прося его разрешения приехать поклониться ему на Капрее. Тиберий был очень рад этому, ответил ему любезным письмом и сказал, что с удовольствием примет его у себя на Капрее. Когда Агриппа приехал, император принял и приветствовал его с тою же любезностью, которую выказал ему и в письме. На следующий день, однако, Тиберий получил письмо от Геренния Капитона, который писал ему, что Агриппа задолжал 300 000 сестерций, пропустил условленный срок уплаты и, когда ему напомнили об этом, бежал из страны своей; таким образом, теперь Геренний совершенно не знает, как вернуть эти деньги. Прочитав письмо, император сильно разгневался и запретил Агриппе доступ ко двору, пока он не заплатит долга. Агриппа, однако, нисколько не испугался гнева императора, но обратился к Антонии, матери Германика и Клавдия[59], который впоследствии стал императором, с просьбою одолжить ему 300 000 сестерций, чтобы не утратить дружбы Тиберия. В уважение к памяти его матери Береники, с которою ее связывала тесная дружба, равно как потому, что он был сверстником и товарищем ее сына Клавдия, Антония выдала ему деньги, так что он мог уплатить означенный долг, и у него возобновились прежние дружеские отношения к Тиберию. Последний в свою очередь даже поручил ему своего внука (Тиберия)[60] и велел сопровождать его повсюду. Питая благодарность к Антонии, Агриппа стал особенно ласково относиться к ее внуку Гаю[61], который пользовался особенною популярностью, благодаря расположению всех к его покойному отцу. В это время жил некий самарянин Фалл, императорский вольноотпущенник. Сделав у него заем в миллион сестерций, Агриппа вернул Антонии долг свой, а с помощью остальных денег старался угождать Гаю, причем достиг на него особенно значительного влияния.

5. Между тем дружба между Агриппою и Гаем все росла. Когда они однажды вместе выехали на прогулку, у них зашла речь о Тиберии, и, так как они были одни, Агриппа выразил желание, чтобы Тиберий поскорее умер и предоставил власть Гаю как наиболее достойному во всех отношениях. Это услышал Евтих, вольноотпущенник и возница Агриппы. Впрочем, пока он молчал об этом. Впоследствии Агриппа совершенно основательно обвинил этого вольноотпущенника в похищении у него плаща. Евтих бежал, но, будучи пойман, был приведен к городскому префекту Пизону. Когда последний спросил его о причине бегства, Евтих отвечал, что ему необходимо сделать императору сообщение, касающееся безопасности его личности. Поэтому Пизон велел связать его и отправить на Капрее. Тиберий по своей привычке оставил его в оковах (и не торопился с его допросом), потому что был вообще наиболее медлительным государем. Так, например, он никогда не принимал посольств

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 18 filosoff.org
тотчас же по их прибытии и не смещал военачальников и наместников до их смерти. Так же медленно происходил и допрос арестантов. Когда друзья однажды спросили его о причине такой его медлительности, Тиберий отвечал, что он потому задерживает посольства, чтобы их сейчас же не сменили новые депутаты уполномоченных, которых затем во множестве пришлось бы принимать и угощать; общественные же должности он оттого дает людям один раз навсегда, чтобы те несколько совестились и не слишком притесняли подчиненных. В самой природе всякого должностного лица, говорил он, лежит стремление к любостыжанию. Если должности будут предоставляться чиновникам не надолго и не на определенное, но на короткое время, то эти чиновники приложат все свое старание полнее обобрать людей состоятельных. Если же их назначат на более продолжительный срок, то они, имея перед собою возможность беспрепятственного грабежа, вскоре вследствие своего обогащения утомятся этим и надолго оставят подчиненных в покое. Если же перемещения следуют быстро друг за другом, то начальники не успевают удовлетвориться наложенными на подчиненных поборами, так как они не будут иметь времени ощутить неудовольствие по поводу своих вымогательств и не успеют обогатиться до перемещения на новую должность. В доказательство правильности этого своего взгляда он приводил следующий пример: некий раненый лежал на дороге и множество мух село на его раны. Кто-то из прохожих почувствовал сострадание к несчастному и, видя его беспомощное состояние, решил отогнать мух. Но раненый просил его оставить это, и тогда прохожий удивленно спросил, почему он противится, чтобы тот облегчил ему его страдания. На это раненый отвечал: "Ты причинишь мне еще более сильные страдания, если отгонишь этих мух. Так как они успели уже насытиться моею кровью, то они не с такой силою кусают меня и даже иногда совсем перестают меня терзать. Если же затем явятся новые рои мух голодных и найдут меня уже истощенным, то я окончательно погибну". Поэтому-то, продолжал император, он, заботясь о состоянии без того уже сильно разоренных подданных своих, и не отправляет к ним одного чиновника за другим, которые, наподобие мух, стали бы высасывать все из них, тем более, что тогда к их любостыжательности присоединилась бы боязнь, что их вскоре лишат предоставленного им удовольствия. Подтверждением этого взгляда Тиберия служит и соответственный образ его действий: в течение тех двадцати двух лет, что он был императором, он послал в Иудею всего только двух наместников, Грата и его преемника Пилата. Так поступал он не только относительно Иудеи, но и относительно других подвластных ему провинций. Также и преступления арестантов он, по собственному признанию, подвергал разбору всегда спустя лишь продолжительное время, дабы преступники быстрою казнью не получали облегчения своих страданий, которого они, по преступности своей, вовсе не заслужили, и для того, чтобы наказание им увеличилось томительностью неизвестности.

6. По этой-то причине и Евтих не мог добиться, чтобы его допросили, и оставался в темнице. Через некоторое время Тиберий переехал с острова Капреи в Тускулан, который находится на расстоянии ста стадий от Рима. Тут Агриппа стал просить Антонию добиться [у императора] допроса Евтиха по возведенному на него обвинению. Антония пользовалась у Тиберия большим почетом отчасти вследствие близких родственных своих к нему отношений (она была женою его брата Друза), отчасти же вследствие своего добродетельного образа жизни. Дело в том, что, несмотря на свою молодость, она оставалась вдовою и отказывалась от всякого нового брака, хотя император и уговаривал ее выйти вторично замуж. При этом она вела незапятнанный образ жизни. Кроме того, она оказала Тиберию неоценимую услугу: некий Сеян, начальник преторианской гвардии[62], бывший друг мужа Антонии и пользовавшийся, благодаря войскам, огромною властью, устроил опасный заговор, к которому примкнули многие сенаторы и вольноотпущенники[63]. Так как заговорщики сумели подкупить войско, то дело приняло бы серьезный оборот и Сеян привел бы свой план в исполнение, если бы Антония не выступила смело противницей его гнусных начинаний. Узнав о задуманном покушении на жизнь Тиберия, она написала последнему о том подробное письмо, которое вручила одному из преданнейших слуг своих, Палланту, для доставки Тиберию на остров Капрею. Извещенный об этом, император велел казнить Сеяна и его заговорщиков[64]. С этих пор Антония, которую Тиберий и раньше очень уважал, пользовалась в его глазах еще большим почетом и доверием.

И вот, когда Антония просила Тиберия допросить Евтиха, император сказал: "Если Евтих выдумал слова, которые он приписал Агриппе, то он получит от меня должное возмездие; если же при расследовании окажется, что он сказал правду, то пусть Агриппа остерегается, как бы наказание, которое он собирается уготовить своему вольноотпущеннику, не пало на его собственную голову". Когда Антония сообщила об этом Агриппе, последний еще более настаивал на производстве следствия, и так как Агриппа не переставал

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 18 filosoff.org

просить об этом Антонию, то она выбрала удобную минуту, когда Тиберия после обеда вынесли в носилках на прогулку в сопровождении ее внука Гая и Агриппы, приблизилась к носилкам и просила императора вызвать Евтиха и допросить его. На это Тиберий заметил: "Клянусь, Антония, богами, что то, что я теперь делаю, я делаю не по своей личной воле, но благодаря твоим просьбам". С этими словами он приказал Макрону, преемнику Сеяна, привести Евтиха. Когда тот вскоре затем явился, император спросил его, что он может сказать против человека, которому он обязан свободой. Евтих сказал: "Государь! однажды этот вот Гай и Агриппа выехали на прогулку в колеснице, а я сидел у ног их. Они беседовали долго о всякой всячине, и наконец Агриппа обратился к Гаю со следующими словами: "Наступит ли день, когда этот старик умрет и сделает тебя владыкою мира? Ведь внук его, Тиберий, не будет нам препятствием. Ты можешь умертвить его. Тогда вселенная будет счастлива, а более ее я". Тиберий поверил этому, и в нем пробудилось прежнее неудовольствие против Агриппы, так как он приказал ему когда-то следить за его внуком Тиберием, сыном Друза; однако Агриппа не поступил сообразно этому, но всецело посвятил себя Гаю. Поэтому император сказал: "Макрон, наложи на него оковы". Макрон, однако, не понял, о ком говорил Тиберий, никак не предполагая, что последний мог иметь в виду Агриппу, и поэтому не привел приказания в исполнение. Вскоре затем император застал Агриппу на ипподроме. Тогда он обратился к Макрону: "Ведь я же приказал наложить на него оковы!" Когда Макрон еще раз переспросил императора, о ком идет речь, последний ответил: "об Агриппе". Тогда Агриппа стал просить о помиловании, указывая на то, что ведь он воспитывался совместно с его сыном и руководил воспитанием младшего Тиберия. Однако он ничего не добился, и в пурпуровой одежде был отведен в темницу. Тогда стояла сильная жара, и, так как Агриппа за обедом выпил много вина, его теперь стала мучить жажда, так что он совершенно изнемогал от нее и жестоко страдал. Вдруг он увидел, что один из рабов Гая, некий Фаумаст, нес воду в сосуде. Он попросил дать ему напиток. Тот охотно подал ему кувшин, и Агриппа воскликнул: "Юноша, так как ты оказал мне эту услугу, то, когда я освобожусь от оков, я не премину добиться у Гая освобождения твоего; ведь ты услужил мне, арестанту, совершенно таким же образом, как делал это раньше, когда я был полноправным человеком". Агриппа, действительно, сдержал это свое обещание: когда он впоследствии сам стал царем, то добился у Гая, ставшего тем временем императором, полного освобождения Фаумаста и сделал его своим личным управляющим; перед смертью свою он поручил его сыну своему Агриппе и дочери своей Беренике с тем, чтобы они оставили его в этой должности. Фаумаст и умер в ней, достигнув преклонного возраста.

7. Все это, впрочем, случилось гораздо позже. Тогда же Агриппа в числе многих других арестантов стоял перед императорским дворцом и в отчаянии прислонился к дереву. На это дерево внезапно слетел филин, и тогда один из арестантов, германец по происхождению, увидя это, спросил стоявшего тут же солдата, кто этот человек в пурпуровом плаще. Узнав, что тот называется Агриппою, что он иудей, принадлежащий к числу наиболее видных представителей своего народа, он просил воина подвести его поближе к Агриппе, так как имеет сообщить ему нечто и желал бы задать ему несколько вопросов относительно иудейских законов. Когда ему это было разрешено, германец обратился через переводчика к Агриппе и сказал ему: "Молодой человек, теперь ты опечален внезапным поворотом в судьбе своей, которая так круто изменилась у тебя. Вероятно, ты не поверишь словам моим, когда я скажу тебе, что Предвечный решил изменить твою судьбу и прекратить настоящую скорбь твою. Однако знай, что я готов клясться как своими собственными богами, так и римскими, благодаря которым мы томимся в этих оковах, что скажу одну только правду, и притом не ради праздного времяпрепровождения и болтовни и не для того, чтобы тщетно ободрить тебя. Ведь обещания, в случае их неисполнения, лишь усугубляют печаль, и лучше их с самого начала вовсе не делать. И несмотря на это, несмотря на то, что я рискую личной безопасностью, я считаю себя обязанным сообщить тебе о решении богов. По всей видимости, ты скоро будешь освобожден от этих своих цепей; тогда ты достигнешь величайшего почета и власти, и все те, кто теперь скорбит о постигшей тебя судьбе, будут заискивать перед тобою. Ты умрешь, добившись счастья и оставив состояние детям своим. Помни, однако, что, когда ты вновь увидишь эту птицу, тебе предстоит умереть через пять дней. Что все так и случится, это возвещают тебе боги, пославшие эту птицу. Я, знакомый с предсказанием будущего, не счел себя вправе скрыть от тебя все это, дабы ты, зная, что тебя ждет лучшее будущее, легче переносил страдания настоящей минуты и не придавал им слишком большого значения. Помни также, что когда счастье улыбнется тебе, то были мы, товарищи твои по заключению, которые предсказали тебе скорое освобождение". Это предсказание

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 18 filosoff.org
германца первоначально показалось Агриппе столь же смешным, сколь оно впоследствии возбудило его удивление.

Тем временем Антония, которую очень огорчало постигшее Агриппу несчастье, но которая понимала, что теперь несвоевременно да и бесполезно будет заступаться за него у Тиберия, постаралась добиться от Макрона, чтобы в виде стражи Агриппы и в лице сотников, которым поручался неуклонный надзор за арестантами, назначались люди более мягкосердечные, чтобы Агриппе ежедневно разрешалось купаться, чтобы ему было дозволено видиться с друзьями и вольноотпущенниками своими и чтобы он вообще не ощущал никакого существенного недостатка ни в чем. Таким образом, арестованного посещали его друг Сила и вольноотпущенники Марсия и Стойхей. Они доставляли ему любимую пищу и вообще всячески заботились о нем; так, например, они приносили с собою, как будто бы для продажи, плащи, которые, с наступлением ночи, при содействии солдат и с ведома Макрона, подстилали Агриппе. Так продолжалось дело в течение шести месяцев.

8. Таково-то было положение Агриппы. Между тем Тиберий возвратился на остров Капрею, где и заболел [65], сперва, правда, легко, но затем, когда болезнь осложнилась, он стал сильно опасаться за свое выздоровление. Поэтому он приказал Эводу, самому приближенному из вольноотпущенников своих, привезти к нему детей, с которыми ему необходимо было переговорить перед смертью. Родных детей у Тиберия больше не было, после того как единственный сын его, Друз, умер. Теперь оставались в живых еще сын Друза, Тиберий Гемелл, а также сын брата Тиберия, Германика, Гай, юноша, получивший вполне законченное образование и пользовавшийся в глазах народа большою популярностью за доблесть отца своего Германика. Последний (т. е. Германик) пользовался особенным расположением простонародья благодаря чистоте нравов, легкой доступности и тому, что он никогда не домогался особенно выдающегося положения. Поэтому-то не только народ и римский сенат весьма уважали Германика, но и все подвластные римлянам племена, которых подкупала мягкость его обращения с ними или которые слышали об этой черте его характера. Когда он умер, всех обуяла скорбь, причем люди не представлялись опечаленными в угоду властям, но потому, что все в государстве горевали о нем, как о родном дорогом покойнике. Так воспоминание о нем продолжало жить среди людей. Результатом всего этого была большая популярность его сына; особенно привязаны были к нему солдаты, которые сильно старались, чтобы престол перешел к нему, и в случае необходимости готовы были умереть за него.

9. Тиберий, приказав Эводу привести к нему на следующий день рано утром детей, стал теперь молить богов явить знамение, кому из юношей надлежит стать его преемником. Правда, он охотнее всего оставил бы престол своему внуку, но еще больше значения и веры, чем своему личному взгляду на дело и желанию, он придавал решению богов. У него, между прочим, было твердое убеждение, что тот из претендентов получит престол, который первым явится к нему рано утром.

Решив это, он послал за воспитателем своего внука и приказал ему на заре привести к нему питомца. Тиберий предполагал, что этим он повлияет на решение богов. Бог, однако, решил иначе. В таком расчете император приказал Эводу, как только стало светать, впустить к нему того из юношей, который придет первым. Тот вышел и, найдя Гая (Тиберий еще не пришел, так как ему слишком поздно подали завтрак, а Эвод ничего не знал о намерениях своего государя), сказал ему: "отец зовет тебя". С этими словами он ввел его к императору.

Увидя Гая, Тиберий понял всемогущество Бога и то, что он сам ничего не мог против этого поделать и не мог теперь уже изменить принятое решение. Затем он стал жалеть как о самом себе, что у него отнята возможность привести в исполнение собственное желание, так и о своем внуке Тиберии, который не только лишился римского престола, но и вместе с тем подвергается личной опасности, потому что его безопасность теперь в руках других, более могущественных лиц, которые не станут терпеть его рядом с собою. При этом император понимал, что и родственные узы не окажут Тиберию услуги, так как наследник престола будет бояться и ненавидеть его отчасти как претендента на власть, отчасти как человека, который не сможет не злоумышлять против его особы с целью совершить государственный переворот.

Тиберий был вообще предан учению о предзнаменованиях и более кого бы то ни было другого руководствовался этим в течение всей своей жизни. Так, например, однажды при появлении Гальбы [66] он сказал своим приближенным, что входит человек, которому некогда выпадет на долю честь быть римским императором. Так как Тиберий более других императоров придавал значение предзнаменованиям, тем более, что неоднократно видел их оправдавшимися, то он руководствовался ими также в делах правления. Теперь его крайне огорчало все случившееся, он страдал, как будто бы его внук уже был умерщвлен, и

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 18 filosoff.org
упрекал себя в том, что так положился на предзнаменование. Ему ведь было так легко спокойно и без печали умереть в неведении будущего, а теперь приходилось расставаться с жизнью, предвидя грядущее горе наиболее близких ему людей. Хотя его и очень огорчало, что престол неожиданно перешел к нежелательному лицу, однако император, правда нехотя и с неудовольствием, обратился к Гаю со следующими словами: "Дитя мое! Хотя Тиберий мне и ближе, чем ты, однако я все-таки по доброй воле и с утверждения богов вручаю тебе власть над римским народом. Но при этом прошу тебя: не забывай, когда ты будешь императором, ни о моем к тебе благоволении, в силу которого я поставил тебя на такое высокое место, ни о родстве своем с Тиберием. Знай, что я с соизволения богов даровал тебе такое благо, за которое ты вознаградишь меня, если подумаешь о родстве своем с Тиберием. С другой стороны, помни, что, пока он будет жив, Тиберий будет оплотом твоей власти и личности, а если умрет, то это будет началом твоего несчастья. Стоять одиноким на таком высоком посту тяжело, и боги не оставят безнаказанным беззаконное нарушение какого-либо предписания". Так говорил Тиберий. Впрочем, ему не удалось повлиять на Гаю, который обещал ему, правда, повиновение, но который, вступив на престол, немедленно распорядился умертвить Тиберия, как то предвидел старый император. Однако и сам он недолго спустя погиб, пав жертвою заговора.

10. Несколько дней спустя после назначения Гаю своим преемником Тиберий умер, пробыв императором двадцать два года пять месяцев и три дня. Таким образом Гаю стал четвертым римским императором[67]. Когда римляне узнали о смерти Тиберия, они очень обрадовались этому приятному для них известию. Они все еще не решались поверить этому, хотя они того и страстно желали (за верность этого сообщения они готовы были заплатить огромные деньги); однако вместе с тем они опасались, как бы в случае, если бы известие было опровергнуто, им не пришлось по доносам поплатиться жизнью за проявление такой своей радости. Ведь один этот человек совершил ужаснейшие преступления по отношению к римской знати, будучи крайне раздражительным и совершенно не умея сдерживать свой гнев, даже когда не было никакого повода к тому. Он ко всем относился крайне жестоко и за самые маловажные провинности сейчас же налагал смертную казнь. Поэтому, насколько римляне радовались при извещении о его смерти, настолько же им мешало предаваться этой радости опасение за то наказание, которому они подверглись бы, если бы слух оказался ложным.

Узнав о смерти Тиберия, вольноотпущенник Агриппы, Марсия, поспешил к последнему, чтобы сообщить ему эту добрую весть. Он застал его отправляющимся на купанье, наклонился к нему и по-еврейски шепнул ему на ухо: "лев умер!" Агриппа сразу понял смысл этих слов, очень обрадовался и сказал: "Я тебя отблагодарю за все твои услуги и за эту добрую весть. Лишь бы это была правда". Сотник, которому было поручено наблюдение за Агриппой, видя, с какою поспешностью прибыл Марсия и какую радость вызвали в Агриппе слова его, подумал, не случилось ли что-нибудь особенное, и спросил их об этом. Те сперва старались уклониться от ответа, но когда сотник стал приставать к Агриппе, последний (успевший уже снискать его благоволение) открыто рассказал ему дело. Сотник разделил радость Агриппы, предвидя выгоду и для себя, и предложил ему вместе пообедать. Пока они еще сидели за столом и наслаждались вином, пришел кто-то с известием, что Тиберий жив и через несколько дней вернется в город. Тогда сотник страшно испугался, совершив проступок, за который полагалась смертная казнь, а именно, что он при известии о смерти императора на радостях пировал с арестантом. Поэтому он столкнул Агриппу с ложа и воскликнул: "Да разве ты думаешь, что безнаказанно обманул меня с известием о кончине императора? Ведь ты за это заплатишь мне голову своею". Затем он приказал вновь заковать Агриппу в цепи, которые он перед тем снял с него, и усилил за ним надзор. Это была страшная ночь для Агриппы.

На следующий день, однако, по городу распространилось известие, подтверждавшее кончину Тиберия; теперь население уже не боялось открыто говорить об этом; некоторые лица даже стали приносить [благодарственные] жертвы. Тем временем были получены письма от Гаю. Одно из них было адресовано в сенат, которому Гаю сообщал о смерти Тиберия и о том, что престол перешел к нему. Другое письмо было получено городским префектом Пизоном с тем же известием и приказанием освободить Агриппу из военной тюрьмы и перевести его в дом, где он жил до своего ареста. Теперь он мог спокойно ожидать будущего. Правда, он был еще подвержен аресту и охраняем стражею, но мог жить по своему усмотрению.

Когда затем Гаю приехал с телом покойного Тиберия в Рим и, по римскому обычаю, устроил пышные похороны, он хотел в тот же самый день освободить Агриппу. Однако Антония отговорила его от этого, впрочем, не из нерасположения к арестанту, а потому, что заботилась, чтобы Гаю не

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 18 filosoff.org
скомпрометировал себя и не навлек на себя обвинения, будто он так обрадовался смерти Тиберия, что немедленно освободил человека, подвергнутого покойным императором тюремному заключению. Впрочем, по прошествии нескольких дней Гай послал за Агриппой, велел его привести во дворец, поручил его заботам своего брата Гая и портного, а затем возложил ему на главу диадему и провозгласил его правителем тетрархии Филиппа, к которой он присоединил еще тетрархию Лисания. Вместо той железной цепи, в которую был закован Агриппа, он подарил ему золотую такого же веса. Начальником стоявшей в Иудее римской кавалерии он назначил Марилла.

11. На втором году правления императора Гая [Калигулы] Агриппа просил разрешения отправиться в свои владения, чтобы устроить там дела свои. Затем он обещал возвратиться ко двору. Разрешение это было дано ему Гаем, и Агриппа поехал домой, куда, вопреки ожиданию всех, возвратился царем, причем наглядно показал людям, знавшим его некогда в бедности и теперь видевшим такое его благополучие, насколько велика сила судьбы. Они поздравляли его с тем, что его надежды сбылись, другие же не верили всему этому.

Глава седьмая

1. Между тем сестра Агриппы, Иродиада, бывшая замужем за тетрархом Галилеи и Переи Иродом, стала завидовать могуществу своего брата, видя, что он занимает гораздо более высокое положение, чем ее муж, и вернулся, покрытый почетом и богатый, тогда как ему некогда пришлось спасаться бегством от кредиторов. Она печалилась и сердилась при такой перемене в положении брата, особенно же она была недовольна, когда видела Агриппу в царском облачении разъезжающим по улицам. Тут она не была в состоянии скрыть свое неудовольствие и зависть и уговаривала мужа отправиться в Рим и добиться там подобных же почестей. Она указывала на то, как трудно жить ей, если Агриппа, сын некогда казненного родным отцом своим Аристокла, человек, впавший в такую нужду, что люди из сострадания изо дня в день доставляли ему все необходимое для жизни, человек, уехавший от своих кредиторов, теперь вернулся домой царем, тогда как Ирод, сын царя, которому самое происхождение дает право на занятие такой высокой должности, сидит себе спокойно дома, оставаясь частным человеком. "Если ты, Ирод, - говорила она, - раньше не огорчался тем, что занимаешь положение ниже отца своего, то теперь по крайней мере воспользуйся своим царским происхождением и не оставайся позади человека, который пользовался твоими деньгами; не допускай, чтобы он добился своею бедностью большего, чем мы, так как мы можем многого достигнуть при помощи нашего богатства; стыдись быть ниже тех, кто вчера еще и позавчера жили благодаря твоему состраданию. Поедем в Рим и не будем щадить ни труда, ни денег, потому что несколько не лучше копить деньги, чем добиться с помощью их царского престола".

2. Ирод настойчиво отклонял это предложение, любя свой покой и подозрительно относясь к шумной римской жизни. Иродиаду он старался отговорить от ее намерения. Ввиду этого последняя, однако, еще более приставала к нему, настаивая на том, что необходимо пустить в ход все, чтобы добиться царского престола. Она не раньше успокоилась, чем склонила его на свою сторону; впрочем, он не умел ей ни в чем отказать и подчинялся ее решениям. Итак, он приготовился к отъезду, который обставил всевозможную пышностью, не щадя для этого денег, и отправился в Рим в сопровождении Иродиады. Лишь только Агриппа узнал об их намерениях и приготовлениях, как и сам принял свои меры. Узнав об их отъезде, он отправил в Рим Фортуната, одного из своих вольноотпущенников, которому вручил подарки для императора, а также письмо, направленное против Ирода. Остальное Фортунат при случае должен был словесно сообщить Гаю. Фортунат поехал немедленно вслед за Иродом, и плавание его было столь благополучно, что он прибыл к императору одновременно с Иродом. Последнего он застал у Гая, которому Фортунат сейчас же вручил письмо. Оба корабля одновременно пристали в Дикеархее. Гая они нашли в кампанском городке Байях, который отстоит от Дикеархеи на расстоянии пяти стадий. Тут в Байях находится целый ряд сооруженных с большими издержками императорских вилл, причем каждый государь старался при постройке этих дворцов перещеголять своего предшественника. В этой местности имеются бьющие из земли горячие ключи, которые отличаются целебными свойствами. Вообще, жизнь тут представляет много приятного. Гай только что разговаривал с Иродом, который явился к нему раньше других, как ему было подано письмо Агриппы, содержащее обвинения против Ирода. Дело в том, что Агриппа обвинял последнего в участии в заговоре Сеяна при императоре Тиберии и в заговоре с парфянским царем Артабаном, направленном против Гая. Он подкреплял свой донос указанием, что в арсенале Ирода лежит заготовленное для 70 000 воинов оружие. Гай, прочитав письмо, пришел в беспокойство и спросил Ирода, правда ли то, что сказано в письме об оружии.

Не имея возможности отрицать истину. Ирод признался, что это так. Тогда Гай поверил также обвинению в соучастии его в заговоре, отнял у него тетрархию и присоединил ее к царству Агриппы. Вместе с тем он предоставил последнему также все деньги Ирода, которого приговорил к позорной ссылке в галльский город Лугдунум[68]. Узнав, что Иродиада сестра Агриппы, император вернул ей ее личные средства и, полагая, что она не захочет разделить печальную участь своего мужа, сказал, что отныне защитником ей будет брат ее. Однако Иродиада ответила на это: "Государь! Ты великодушно и милостиво предложил мне исход, но мне мешает воспользоваться милостью твоею моя преданность мужу: я, разделявшая с ним все, когда он был счастлив, теперь не считаю себя вправе бросить его при перемене судьбы". Император рассердился на нее за это великодушие и приговорил ее к ссылке вместе с Иродом. Имущество ее он предоставил Агриппе. Такое наказание постигло Иродиаду от Господа Бога за ее зависть к брату и за то, что она легкомысленно уговорила мужа, а он ее послушался.

Первый и следующий год своего правления Гай являл себя великодушным государем и человеком мягким, чем и заслужил глубокую любовь римлян и подчиненных народов. С течением же времени он, благодаря своей власти, перестал считать себя обыкновенным смертным, сам провозгласил себя божеством и вообще начал всячески глумиться над Предвечным.

Глава восьмая

1. Тем временем между александрийскими иудеями и жившими в том же городе греками произошла распря, результатом которой было то, что к императору Гаю явилась депутация из трех выборных с той и с другой стороны[69]. В числе представителей александрийских граждан находился также некий Апион, который возводил на иудеев тяжкие обвинения и, между прочим, утверждал, что они отказываются почитать императора. Все-де подданные Римской империи, говорил Апион, воздвигают в честь Гая алтари и храмы и всюду почитают его, как бога; одни только александрийские иудеи считают позорным воздвигать в честь его статуи и клясться его именем. На эти гнусные и тяжкие обвинения, которыми Апион естественно рассчитывал восстановить Гая против иудеев, готовился возражать главный представитель иудейской депутации. Филон, человек, пользовавшийся широкою известностью, брат алабарха Александра и большой знаток философии[70]. Но Гай не разрешил этого Филону и приказал ему удалиться. При этом император был так озлоблен, что, очевидно, замыслил что-то ужасное против иудеев. Филон, оскорбленный, удалился и сказал при этом своим товарищам-иудеям, что они не должны терять мужества, так как Гай на словах, правда, страшно озлоблен против них, но на деле он уже успел восстановить против себя Предвечного.

2. Разгневанный тем, что одни иудеи так презирают его, Гай послал в Сирию легата Петрония, преемника Вителлия. Он приказал ему с сильною ратью вторгнуться в Иудею и, если иудеи добровольно уступят, воздвигнуть в храме Господнем его статую, если же они окажут сопротивление, сделать это с оружием в руках. Приняв начальство над Сириею, Петроний поспешил исполнить поручение императора. Он собрал возможно больше союзнических войск, присоединил к ним два римских легиона[71] и явился в Птолемаиду на зимовку, чтобы весною начать правильную войну. Об этих своих решениях он написал Гаю. Последний похвалил его за энергию и советовал не уступать, но неуклонно преследовать ослушников войною. Между тем толпы иудеев являлись к Петронию в Птолемаиду, моля его не побуждать их к противозаконным действиям и к нарушению древних установлений. "Если тебе уже безусловно необходимо воздвигнуть статую [императора], - говорили они, - то делай по-своему, но сначала перебей нас всех. Мы не в состоянии допустить вещь, запрещенную нам авторитетом законодателя нашего, а также нашими предками, которые в этом запрещении видели главное побуждение к добродетели". Петроний, сдерживая гнев, ответил: "Если бы я был императором и постановил бы это самолично, то обращение ваше ко мне имело бы смысл. Теперь же я, как уполномоченный государя, обязан всеми силами исполнить его предначертания, чтобы ослушанием не навлекать на себя тягостного наказания". "Так как, Петроний, таково твое решение, - сказали иудеи, - а именно не нарушать повеления Гая, то и мы сами не станем нарушать предписания закона, которому мы, повинувшись Предвечному и памятуя о добродетели и трудах наших предков, до сих пор оставались верны; мы не решимся на гнусное нарушение тех предписаний, которые, по постановлению Предвечного, должны принести нам счастье, и все это из страха перед смертью. Поэтому мы попытаем счастья в бою за соблюдение наших древних установлений и знаем, что, раз мы решились подвергнуться опасности, у нас будет надежда с помощью Божию на победу во славу Его, особенно если мы ради Его рискнем на все это и подвергнемся военной судьбе. Если же мы послушаемся тебя, то навлечем на себя страшный позор трусости как по отношению к самому факту нарушения законов, так и

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 18 filosoff.org
особенно тем, что вызовом неудержимый гнев Предвечного, которого ведь и ты сам признаешь более могущественным, чем Гая".

3. Видя из этих слов непоколебимость иудеев и то, что ему без боя не удастся исполнить приказание Гая и воздвигнуть его статую придется лишь ценою страшной резни, Петроний решил в обществе своих приближенных и слуг отправиться в Тивериаду, чтобы ознакомиться с настроением тамошних иудеев. Сознывая всю опасность войны с римлянами, но считая гораздо более опасным и преступным нарушать законы, огромные толпы иудеев и здесь встретили Петрония по его прибытии в Тивериаду. Они умоляли его не доводить их до такой крайности и не осквернять города постановкою статуи. "Итак, - воскликнул Петроний, - вы желаете воевать с императором, не принимая во внимание его боевой готовности и своего собственного бессилия?" Иудеи отвечали: "Мы вовсе не желаем войны; мы охотнее умрем, чем нарушим законы". При этом они бросались наземь и открывали шеи, готовясь принять смертельные удары. Так поступали они в течение сорока дней. При этом они окончательно запустили свои занятия земледелием, несмотря на то, что было время посева. Они выказывали большую стойкость и полную готовность скорее умереть, чем допустить постановку статуи.

4. При таком положении дел Аристокбул, брат царя Агриппы, и Хелкия Великий, в сопровождении прочих знатных членов семьи и главнейших представителей народа, обратились к Петронию с просьбою, так как он видит решимость народа, не доводить последнего до наступления, но написать Гаю, как толпа противится постановке статуи, как она бросила даже земледельческие занятия, как она не желает и не может вступить в войну, но охотнее соглашается умереть, чем преступить свои законы, и как по причине невозделанности почвы явятся разбои неизбежным следствием этого и невозможности платить повинности. Быть может, Гай при таких условиях оставит свою мысль о насильственном образе действий и не захочет погубить народ во время возмущения. Если же Гай все-таки будет настаивать на своем прежнем решении начать войну, то тогда и Петроний сможет приняться за это дело. Такими представлениями товарищи Аристокбула старались уговорить Петрония. Видя, с одной стороны, столь серьезное отношение и настойчивые просьбы их, причем они не щадили средств убедить его, с другой же стороны, видя непоколебимость иудеев и считая большим грехом перед Всевышним пожертвовать жизнью стольких десятков тысяч людей в угоду сумасбродству Гая, Петроний, боясь также вечных угрызений совести, решил все-таки написать об этом Гаю - о невозможности исполнить его приказание, хотя и был уверен в страшном гневе императора за то, что не повиновался ему неотложно. Быть может, Петроний рассчитывал также уговорить императора, а в противном случае уже, если тот будет настаивать на своем безумном мнении, решил начать войну с иудеями. Даже если бы гнев императора обратился против него самого, Петроний готов был в силу своей доблести умереть за такое множество людей. Поэтому он решил послушаться иудеев, умолявших его.

5. Созвав иудеев в Тивериаду (куда явились несметные толпы их) и обратившись к ним с речью, Петроний сказал, что теперешний шаг он предпринимает не по собственному желанию, но по повелению императора, который приказал дать почувствовать его гнев немедленно всем тем, кто бы осмелился ослушаться его. Поэтому он, Петроний, который достиг такого почетного положения, считает своею обязанностью поступить вполне согласно повелению государя. "И тем не менее, - продолжал он, - я счел бы несправедливым пожертвовать своею личною безопасностью и своим почетным положением ради вас, которых так много. Я преклоняюсь пред величием закона, который вы, благодаря его древности, считаете своею обязанностью отстаивать, и преклоняюсь главным образом пред величием и могуществом Всевышнего. Я не могу допустить, чтобы храм Его был осквернен дерзким святотатством правителя. Поэтому я посылаю Гаю донесение о вашем решении и по силе возможности поддерживаю вас, чтобы доказать вам, что я соглашаюсь с вашими, вполне правильными взглядами. Предвечный же, могущество которого выше всякого человеческого начинания и умения, да поддержит вас в соблюдении вами древних законов и да предохранит его (Гая) от того, чтобы он в своих нечеловеческих требованиях не лишился окончательно того почета, к которому привык. Если же Гай выйдет из себя и направит против меня всю силу гнева, я готов идти на всякую опасность и подвергнуться всякому физическому и нравственному страданию скорее, чем видеть гибель вашу, гибель такого множества людей за столь славную идею. Теперь же пусть каждый отправится восвояси, к делам своим. Позаботьтесь о возделке земли. Сам я пошлю в Рим и не упущу ни лично, ни через друзей своих никакого случая, чтобы добиться для вас благоприятного результата".

6. С этими словами он отпустил иудеев, причем просил наиболее выдающихся из них принудить народ к занятию земледелием и успокоить его обещаниями всего лучшего в будущем. Так Петроний спешил ободрить народ. Предвечный в свою

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 18 filosoff.org
очередь явил Петронию свою помощь и заботливость во всем. Лишь только Петроний окончил разговор с иудеями, Всевышний ниспослал сильный дождь. Это было большою неожиданностью, потому что с самого утра этого страшно жаркого дня не было видно на небе ни одного облачка, да и жара в течение целого года отнимала у людей всякую надежду на дождь, хотя они иногда и видели на небе облачки. Когда поэтому теперь так неожиданно и внезапно полил сильный дождь, иудеи почерпнули в этом надежду, что и Петронию удастся его ходатайство за них. Сам Петроний поразился еще больше, видя воочию, насколько Предвечный заботится об иудеях и как он проявляет это; никто, даже если бы захотел, не мог бы утверждать противное. Поэтому все то, что Петроний написал Гаю, должно было побудить императора к перемене решения и заставить его отказаться от мысли довести до отчаяния столько тысяч человек. При этом Петроний поставлял на вид, что, если Гай распорядится перебить их всех (а по его мнению было ясно, что они не без борьбы не допустят нарушения законов), он лишится доходов и подвергнет себя позору на вечные времена. Затем Петроний охарактеризовал Гаю могущество Бога, покровительствующего иудеям, как чрезвычайное, которое наверное не преминет вскоре же явить себя во всей своей силе. Таковы были доводы Петрония.

7. Царь Агриппа, живший пока еще в Риме, все более и более сближался с другом своим Гаем. Однажды Агриппа пригласил его обедать, причем постарался превзойти всех как расходами, так и роскошью блюд и всяческих удовольствий, так что, не говоря уже о других, и сам Гай не мог бы, в случае желанья, не только превзойти его, но даже и померяться с ним в этом отношении. Одним словом, Агриппа превзошел самого себя и сделал все возможное в угоду императору. Преклоняясь перед его расположением к нему и перед великодушием, с которым Агриппа в угоду ему принудил себя понести огромные, чрезмерные расходы, Гай, желая в свою очередь не отставать от Агриппы и вознаградить его чем-либо за доставленное ему удовольствие, разгоряченный и развеселившийся от вина, которое ему постоянно подливал Агриппа за обедом, воскликнул: "Я и раньше чувствовал честь, которую ты мне всегда оказывал, и знаю твою великую преданность мне, выражавшуюся тобою с личной опасностью при Тиберии. И теперь ты ни в чем не изменил своего ко мне отношения и стараешься даже выше сил своих выказать мне свою преданность. Поэтому я, считая, что было бы постыдно уступать тебе со своей стороны в подобном же рвении, желаю теперь наверстать упущенное. То, чем я до сих пор одаривал тебя, конечно, были сущие пустяки. Теперь я хочу доставить тебе от всего сердца и по мере сил моих все, что могло бы сделать счастье твое полным". Гай говорил таким образом, предполагая, что Агриппа попросит себе обширной земельной собственности или доходов с каких-либо городов. Хотя у Агриппы была уже вполне готова просьба, однако он пока умолчал о ней, а тотчас ответил Гаю, что, как в прежних его добрых отношениях к нему вопреки желанию Тиберия, так и в теперешнем его добром расположении к нему, им, Агриппою, никогда не руководила мысль об извлечении для себя каких-либо выгод. То, что Гай дал ему раньше, уже является крупным вознаграждением, превосходящим всякие самые смелые надежды. "Даже если бы дары эти, - сказал он, - и были меньше, чем они есть, то и в таком случае они все-таки явились бы слишком большою наградою за мою любовь и заслуги перед тобою". Гай был поражен этою скромностью и стал настаивать, чтобы Агриппа сказал ему, чего он желает. Тогда тот сказал: "Государь, так как ты столь милостиво считаешь меня достойным награды, то я не стану просить тебя ни о чем таком, что имело бы в виду мое обогащение; ведь я, благодаря твоему великодушию, и без того не беден. Поэтому я попрошу тебя о такой вещи, которая даст тебе славу человека благодетельного, которая побудит Предвечного быть твоим защитником во всех твоих начинаниях и которую я смогу стяжать себе добрую память у всех, кто о том узнает; могу ли я рассчитывать на исполнение с твоей стороны моего желанья? Прошу тебя, откажись от мысли воздвигнуть твою статую в иудейском храме, как ты о том послал распоряжение Петронию".

8. Хотя Агриппа понимал всю опасность этой просьбы (если бы Гай не согласился на исполнение ее, то ему предстояла бы неизбежная смерть), однако он сознавал все значение ее и решил попытать счастья. Гай был очарован любезностью Агриппы, с другой стороны, не желал оказаться лжецом перед столькими свидетелями, видевшими, как он сам настаивал на просьбе Агриппы, и не хотел, чтобы эти люди подумали, будто он сейчас же раскаялся в своем решении. Вместе с тем он изумился сдержанности Агриппы, который отстранил на задний план личное счастье в виде ли денежных доходов или другим каким-либо способом, и выставил вперед лишь общее благо, сохранение законов и поклонение Предвечному. Поэтому Гай согласился на исполнение просьбы Агриппы и тотчас же отправил Петронию письмо, в котором похвалил его за набор войска и за то, что он послал к нему за советом, как поступать

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 18 filosoff.org

далее. В письме этом между прочим было сказано:

"Если ты успел уже воздвигнуть мою статую, то пусть она стоит; если же ты не успел еще сделать это, то не заботься долгие о том, но распусти войско и вернись к тому делу, ради которого я тебя первоначально послал. Я не интересуюсь более постановкою статуи и делаю это в угоду Агриппе, человеку, которого я слишком высоко чту, чтобы мог отказать ему в какой-либо просьбе".

Это письмо Гай написал Петронию раньше, чем получил его донесение о том, что иудеи оказывают отчаянное сопротивление и открыто выражают намерение вступить в борьбу с римлянами. Получив это сообщение, Гай страшно разгневался, что иудеи дерзнули испытать его могущество. Он был вообще человеком, который, если озлоблялся против кого-нибудь, уже не знал никаких пределов, но находил удовольствие лишь в удовлетворении своей злобы.

Поэтому он послал Петронию следующий ответ: "Так как ты оценил дары, преподнесенные тебе иудеями, выше моих приказаний и осмелился в угоду им послушаться моих повелений, то я повелеваю тебе самому быть своим судьей и решить, как тебе следует поступить, дабы почувствовать мой гнев. Я желаю, чтобы твоя судьба послужила уроком для всех в настоящее и будущее время, что нельзя не исполнять приказаний своего государя".

9. Такое письмо написал Гай Петронию. Однако последний не получил его при жизни Гая, так как путешествие тех, кому была поручена доставка этого письма, затянулась и Петроний раньше получил другое письмо с известием о смерти Гая [72]. Господь Бог не забыл об опасностях, которым добровольно подверг себя Петроний в угоду иудеям и во славу Божию, но дал ему удовлетворение тем, что в гневе своем низверг Гая за его дерзкую попытку объявить себя божеством. Вместе с Петронием были довольны и Рим и вся империя, особенно же выдающиеся сенаторы, против которых необузданно свирепствовал Гай. Последний умер недолго спустя после отправки Петронию письма с приказанием ему покончить самоубийством. О причине смерти Гая и о характере составленного против него заговора я поговорю впоследствии. Петроний сперва получил письмо, извещавшее его о смерти Гая, а немного спустя пришло то, в котором ему предписывалось покончить самоубийством. Он был доволен гибелью, постигшею Гая, и изумлялся Провидению, которое вознаградило его так быстро за оказанное им Господу Богу почтение и за спасение храма и иудеев. Таким образом, Петроний избег, сам того не зная, смертельной опасности.

Глава девятая

1. Тем временем живших в Месопотамии и главным образом в Вавилоне иудеев постигло страшное, необычайное бедствие, выразившееся в том, что многие из них были перерезаны так, как раньше не бывало тому примера в истории. Чтобы в точности рассказать обо всем этом, мне придется изложить причины, поведшие к такому несчастью. В Вавилонии находится город Наардея, крайне оживленный, обладающий отличною и обильною землею. Ко всем прочим преимуществам присоединялось еще и то, что там был избыток населения. Город этот недоступен врагам, так как река Евфрат со всех сторон окружает его и он, кроме того, защищен стенами. В таких же благоприятных условиях находится на той же реке город Низибис. Упоная на укрепленность своих городов, тамошние иудеи удерживали у себя двойные драхмы, которые закон предписывает отдавать Предвечному, равно как не посылали никаких других жертвенных даров, и смотрели на свои города как на казнохранилища. Отсюда уже деньги при случае посылались в Иерусалим, причем огромные тысячные толпы людей сопровождали эту доставку денег из боязни перед грабежами парфян, которым Вавилония платила дань. В это время в Наардее жило два брата, Асинеи и Анилей. Так как они [рано] лишились отца, то мать приучила их ткать, тем более, что в этом, по понятиям местных жителей, не было ничего позорного; у них мужчины даже прядут шерсть. Однажды мастер, у которого они учились, стал выговаривать им за их опаздывания на работу и затем подверг их телесному наказанию. Юноши приняли это за личное оскорбление, собрали все хранившиеся у них в доме оружие и отправились в такое место, где река разделяется на два рукава; тут были отличные пастбища и множество хлеба, запасенного на зиму.

К ним собрались все негоднейшие юноши; им братья роздали оружие, сами стали во главе их и не переставали руководить ими при совершении всевозможных гнусностей. Упоная на недоступность своего убежища и соорудив себе укрепление, братья стали посылать товарищей к соседним пастухам с предложением выплачивать известную дань овцами, которые могли бы им служить пищею. При этом они обещали, в случае повиновения, жить с пастухами в дружбе и ограждать их от всех врагов, откуда бы они ни явились, и угрожали перебить их стада в случае отказа. Так как при таких условиях не было выбора, то пастухи послушались и послали им столько скота, сколько те от

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 18 filosoff.org
них потребовали. Таким образом, силы юношей крепили и они были в состоянии внезапными нападениями вредить кому угодно по личному своему усмотрению. Всякий, кто имел с ними дело, старался задобрить их, а они наводили страх даже на смельчаков. Молва о них дошла наконец до парфянского царя.

2. Тогда вавилонский сатрап, узнав об этом и желая подавить мятежников в самом корне раньше, чем они успели бы натворить бед, собрал возможно большее войско из парфян и вавилонян и ринулся на них, имея в виду нагрянуть на них врасплох, пока они еще не узнали о готовящемся на них походе. Он тихо оцепил низменность и спокойно дожидался следующего дня. То была суббота, когда иудеи отдыхают от трудов. Полагая, что враги в этот день не решатся вступить с ним в бой и что ему придется лишь схватить и перевязать их, он понемногу начал подвигаться вперед, имея в виду затем сразу неожиданно нагрянуть на них. В это время Асиной сидел со своими товарищами в стороне, причем оружие лежало вблизи их. Вдруг Асиной воскликнул: "Товарищи, до меня доносится конское ржанье, но не коней, которые пасутся на свободе, а таких, на которых сидят всадники; при этом я слышу лязг удил, боюсь, как бы враги не застали нас врасплох и не окружили нас. Пусть кто-нибудь выйдет вперед соглядатаем, чтобы принести точную весть о случившемся; я желал бы, чтобы мое предположение оказалось ложным". Так он говорил, и немедленно некоторые из его товарищей пошли удостовериться. Впрочем, они весьма быстро вернулись и сказали: "Ты нисколько не ошибся относительно действия врагов, которые более не желают, чтобы мы дольше издевались над ними. Они нас застигли хитростью и теперь нагрянут на нас с такой огромною ратью, что перебьют нас как скот, причем мы оказываемся бессильными что-нибудь поделать, так как наш закон повелевает нам воздерживаться от всякого труда в сегодняшний день". Однако Асиной не разделял мнения лазутчиков на этот счет, но считал более разумным мужественно нагрянуть на врагов, чем спокойно дать убить себя; поэтому он предпочел прибегнуть в такой крайности к силе, на которую его побуждали обстоятельства; он решился даже преступить закон и готов был в случае необходимости умереть. После этого он взялся за оружие и тем подал пример смелости и храбрости своим товарищам. Итак, они ринулись на врагов, перебили множество их, которые столь беспечно рассчитывали на легкую победу, и обратили в бегство остальных.

3. Между тем парфянский царь, получив известие об этом сражении и удивившись мужеству братьев, пожелал лично повидать их и поговорить с ними. Поэтому он послал к ним самого верного своего телохранителя со следующим поручением: "Царь Артабан, хотя вы и позволили себе нанести дерзкое оскорбление ему и его стране, готов, однако, подавить свой гнев ради вашей доблести; он прислал меня предложить вам вступить с ним в союз, и с этою целью предоставляет вам безопасный проезд по всем его дорогам и просит дружественно явиться к нему без обмана и коварства. При этом он вам обещает подарки и такой почет, который вам при вашем теперешнем положении будет особенно полезен благодаря могуществу царя". Между тем Асиной сам не решился ехать, а послал своего брата Анилея с дарами, какие мог набрать. Тот отправился и вскоре предстал перед царем. Артабан, увидев одного только Анилея, спросил его о причине отсутствия Асины. Узнав, что тот остался в своей низине из опасения, царь стал клясться всеми богами, что он никогда не обидит никого, кто явится к нему, полагаясь на его слово. При этом он протянул ему правую руку, что служит у всех варваров доказательством величайшего доверия. Никто из них, дав правую руку, никогда не считал бы себя вправе обмануть другого и никто не сомневается в своей безопасности, если получит это доказательство верности со стороны тех, кого он подозревал бы в желании причинить ему зло. Поступив таким образом с Анилеем, Артабан отослал его назад к брату для того, чтобы он уговорил его приехать к нему. Все это царь сделал, имея в виду воспользоваться доблестью этих иудейских братьев в свою пользу, а именно думая сделать из них себе оплот против своих собственных сатрапий, которые уже возмущались или собирались возмутиться. В таком случае он думал выпустить их против сатрапий; с другой же стороны, он боялся, что, если будет принужден к войне против мятежников, Асиной и вавилоняне лишь укрепятся в своем могуществе, при первом слухе о войне сами начнут неприязненные действия и в крайнем случае не упустят возможности по мере сил разорить страну.

4. С такими расчетами Артабан отправил Анилея. Последний крайне убедительно рассказал брату о любезности царя вообще, в особенности же о данной им клятве. В результате оба поехали к Артабану. Последний принял их с большим удовольствием и удивился Асиною, который выказал такое геройство духа, тогда как на вид был так мал и настолько ничтожен, что вызывал во всех чувство презрения. При этом царь сказал друзьям своим: "он, очевидно, обладает душою гораздо более величественною, чем его тело". Во время пиршества царь указал на Асиныя Авдагасу,

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 18 filosoff.org
начальнику своих телохранителей, и сказал, какой он славный герой и какую доблесть обнаруживает на войне. Однако Авдагас просил царя разрешить ему убить этого человека и тем воздать ему за все то зло, которое он причинил стране парфянской. На это царь ответил: "Не могу же я дать тебе такое разрешение по отношению к человеку, доверившемуся моему слову, человеку, которому, кроме того, я дал свою правую руку и которому поклялся именем богов. Но если ты толковый человек, то не заставишь меня прибегнуть к нарушению клятвы и сам постарайся отомстить за поправленную парфянскую страну. Поэтому, когда он пойдет назад, ты напади на него и без моего ведома расправься с ним". На заре царь послал за Асинеем и сказал ему: "Юноша, теперь пора тебе вернуться восвояси уже для того, чтобы не возбудить в некоторых здешних полководцах зависти и не вызывать в них желания помимо моего ведома расправиться с тобою. Я тебе предоставляю вавилонскую область, дабы твоя заботливость оградила ее от грабежей и от всяких бедствий. Я считаю себя вправе видеть в тебе своего друга, так как я поклялся в своей верности, при этом ни в каких-нибудь мелких делах, а в серьезном вопросе, касающемся твоей личной безопасности". С этими словами он вручил ему дары и немедленно отпустил Асинея. По возвращении последнего на родину он принялся за сооружение крепостей и за укрепление запущенных местностей. Таким образом, он вскоре достиг большого могущества, какого раньше не достигал никто, кто собственною смелостью добился столь высокого положения. Также и парфянские полководцы, которые посылались в его распоряжение, весьма раболепствовали перед ним. Малым сравнительно с их почетом казался почет, который оказывали ему за его доблесть жители Вавилона. Таким образом, Асинея достиг величайшего могущества: все дела Месопотамии сосредоточились в его руках, и это счастье его длилось пятнадцать лет.

5. Несмотря на такую удачу братьев, в конце концов и их начали постигать бедствия, главным образом потому, что они обратили свою добродетель, при помощи которой достигли такой великой власти, в насмешку, решившись ради удовлетворения своих страстей и удовольствия преступить древние узаконения. Дело в том, что в их страну прибыл некий парфянский военачальник; он привез с собою и жену свою, которая отличалась всевозможными прелестями и красотой своего стана вызывала всюду удивление. О красоте ее либо узнал, либо лично в ней убедился Анилей, брат Асинея; он в нее безумно влюбился и вместе с тем был в большом затруднении, так как у него не было никакой надежды овладеть этой женщиной иначе как силою; а с другой стороны, он никак не мог противостоять своей страсти. Поэтому немедленно мух ее был признан врагом Анилея, и лишь только между ними произошел поединок, в котором, конечно, пал муж, женщина должна была насильно выйти за Анилея. Вместе с тем она вошла в дом братьев и принесла в одинаковой мере горе как Анилею, так и Асинею, и причиной этого послужило следующее обстоятельство. Когда она после смерти мужа была захвачена насильно, то принесла с собою также изображения богов, которых почитали она и ее муж. У жителей тех мест в обычае держать в домах божков и брать их с собою во время путешествий; так и она привезла их с собою по обычаю своей страны. Сперва она поклонялась этим божкам втайне, когда же стала женою Анилея, она стала по-прежнему почитать их и воздавать им те почести, которые воздавала при первом муже. Тогда наиболее приближенные к брату лица стали укорять Анилея, что он нарушает еврейские постановления и глумится над их законом, взяв себе в жены иностранку, которая отвергает жертвоприношения и установленное богопочитание. Пусть он смотрит, как бы ему в погоне за удовольствиями не пришлось потерять власть, которая теперь, благодаря Господу Богу, достигла такого значения. Однако они не только ничего не добились, но Анилей убил даже одного из наиболее почитаемых воинов за то, что он позволил себе слишком вольные речи. Умирая за законы, этот воин стал взывать к Богу о мести, которая должна была постигнуть Анилея и Асинея, и просил послать остальным товарищам такой же конец от руки врагов. Такая месть должна была постигнуть братьев за то, что они подали пример беззаконий, товарищей же за то, что они не поддержали его и допустили такие его страдания за глумление над законом. Товарищи очень опечалились, но пока сдерживали себя, памятуя, что они достигли благополучия исключительно благодаря могуществу братьев. Когда же они услышали, что среди них происходит культ парфянских божеств[73], они не сочли возможным долгие допускать такое глумление Анилея над законами. Поэтому они в громадном количестве явились к Асинею и громко требовали от Асинея, чтобы он, если раньше не сумел соблюсти своих интересов, теперь по крайней мере вернулся на путь истинный раньше, чем его преступление станет причиной гибели как для него, так и для всех остальных. Затем они жаловались на то, что брак его с этою женщиною заключен против их законов и обычаев, и говорили, что культ этой женщины направлен к обещанию Господа Бога.

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 18 filosoff.org
Асинею и сам знал прекрасно, что преступление его брата является и явится причиной великих бедствий; впрочем, он ничего не сделал, уступая родственному чувству, против брата, который был охвачен такою сильною страстью. Но когда ежедневно товарищи все в большем числе стали приставать к нему и все громче жаловаться на брата, он обратился к Анилею с соответственными представлениями и стал порицать его за прежние его поступки, потребовал прекращения этих безобразий на будущее время и велел отослать жену к ее родственникам. Однако он этим ничего не достиг; напротив, женщина, узнав, что народ волнуется из-за нее, и боясь, как бы Анилей не пострадал из-за любви к ней, подсыпала Асинею в пищу яду и таким образом освободилась от этого человека. При этом она не беспокоилась о последствиях своего поступка, так как судить ее пришлось бы ее же сожителю. 6. Став, таким образом, единовластным правителем, Анилей задумал идти походом на некоего Митридата, человека, занимавшего в стране парфянской высокое положение и женатого на дочери царя Артабана. Это владение он подверг разграблению, причем захватил здесь массу денег, рабов, скота и много другого, что может сделать жизнь человека приятною. Находившийся поблизости Митридат, узнав о захвате своих владений, страшно рассердился на то, что Анилей без всякого повода и невзирая на его высокое положение вздумал обидеть его; потому он набрал как можно более всадников, и притом наилучших, и явился во главе их, чтобы начать неприятельские действия против Анилея. Прибыв к одной из своих деревень, он расположился здесь на отдых, имея в виду на следующий день вступить в бой, так как следующий день была суббота, которую иудеи обыкновенно проводят в бездействии. Анилей узнал о том от некоего сирийца, жителя другой деревни; этот человек, между прочим, сообщил ему все в точности, а также указал ему место, где Митридат собирался ужинать; поэтому Анилей, накормив своих солдат заранее, ночью двинулся вперед в расчете застигнуть парфян врасплох. Около четвертой стражи [74] он напал на врагов, когда те еще спали, перебил многих из них, а остальных обратил в бегство. При этом он захватил Митридата живьем, посадил его голого на осла и повез с собою, а это у парфян считается величайшим бесчестием. Приведя его затем в таком жалком виде в лес, Анилей должен был приложить все старания отговорить товарищей своих, которые требовали смерти Митридата. Он указал им на то, насколько нехорошо убивать человека, занимающего у парфян столь высокое положение, притом особенно высоко чтимого у царя, благодаря родству с ним. Теперь дело еще возможно поправить, потому что, если Митридат и подвергся оскорблению, он все-таки будет относиться с благодарностью к тем, кто спас ему жизнь. Если же он подвергнется гибели, царь, конечно, не задумается устроить великую резню среди вавилонских иудеев. Последних, однако, следует пощадить как из родственных чувств, так и потому, что, если приключится какая-нибудь неудача, они лишатся последнего убежища, тем более, что цвет иудейского юношества уже призван под знамена. Так рассуждал Анилей и убедил собрание, которое отпустило Митридата. Когда последний вернулся домой, жена встретила его упреками и спросила его, неужели он, зять царя, так спокойно отнесется к нанесенному оскорблению и не подумает отомстить обидчикам своим, удовлетворившись тем, что избег плена у иудеев. "Поэтому вернись теперь", - сказала она, - к своей прежней доблести, или я должна поклясться своими царственными богами, что перестану быть твоей женой". Тогда Митридат, не будучи в состоянии выносить изо дня в день постоянные глумления, а с другой стороны, зная гордость жены и боясь расторжения брака с нею, против воли и неохотно решился собрать по возможности большое войско и двинулся во главе его на врагов. При этом он решил скорее погибнуть, чем попасть в руки иудеев. 7. Когда Анилей узнал, что Митридат приближается к нему во главе огромного войска, он счел постыдным оставаться в своих низинах, а не выступить навстречу врагам. Поэтому он, полагаясь на прежние свои удачи, рассчитывал и теперь справиться с врагами и думал, что, по обыкновению, возбудит мужество своих воинов. Таким образом, он двинул вперед свою рать. К его войску пристали многие лица в расчете поживиться на чужой счет во время грабежа; кроме того, эти люди думали устрашить врагов своим внешним видом. Они прошли около 90 стадий, причем путь их лежал по безводной местности, был полдень и их страшно мучила жажда. Тут-то внезапно появился Митридат и нагрянул на них, истощенных жаждой и потому не бывших в состоянии в такую жару даже нести оружие. Началось постыдное бегство людей Анилея, так как им, утомленным, приходилось сражаться с бодрым неприятелем. Произошла страшная резня, и много десятков тысяч народа пало. Анилей с трудом собрал остатки войска и спасся бегством в лес. Этим он доставил большую радость Митридату, который одержал такую победу. Впрочем, к Анилею вскоре собралось огромное количество всякого сброда, который нисколько не дорожил своею безопасностью, но искал лишь минутной удачи.

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 18 filosoff.org
Конечно, эти люди несколько пополнили ряды его поредевшего войска, но они не могли сравниться с павшими, благодаря своей полной неподготовленности; впрочем, он с ними нагрязнул на вавилонские деревни и подверг их полному опустошению. Тогда вавилоняне и прочие участники войны послали в город Наарду к жившим там иудеям с требованием выдать им Анилея. Это было тщетное желание, потому что иудеи, даже если бы и хотели, не имели возможности выдать его; поэтому они предложили заключить мир. Так как и те желали мира, то они вместе с вавилонянами послали людей к Анилею для переговоров. Вавилоняне, лично осмотрев и изучив то место, где расположился станом Анилей, ночью тайно напали на опьяненных и покоившихся в глубоком сне врагов и без труда перебили всех, и в том числе Анилея.

8. Таким образом вавилоняне освободились от столь тягостного им соседа, который до сих пор служил им препятствием в их действиях против иудеев. С последними они всегда сильно ссорились вследствие разности религиозных установлений, и обе стороны старались делать друг другу неприятности. Поэтому теперь с гибелью Анилея вавилоняне набросились на иудеев. Последние боялись насилия со стороны вавилонян и, не будучи в состоянии оказать им сопротивление в открытом бою, а с другой стороны, считая невозможным жить с ними, ушли в Селевкию, один из наиболее выдающихся городов, основанный Селевком Никатором. Население этого города составляют в большом числе македоняне, а еще в большем – греки; также имеется там значительное ассирийское население. В этот город бежали иудеи; тут они в течение пяти лет жили спокойно, на шестой же год в Вавилоне появилась среди них чума. Вследствие этого в Селевкию пришли новые иудеи. Их постигло тогда более крупное бедствие, о котором я сейчас расскажу.

9. Между греками и сирийцами Селевкии происходили постоянные споры и разногласия, причем, однако, победителями всегда оставались греки. Теперь же, когда в этот город переселились иудеи, перевес оказался на стороне сирийцев, потому что к ним примкнули иудеи, привыкшие к опасности и отличавшиеся также способностью воевать. Тогда греки, видя, что они в меньшинстве, и считая единственным средством к восстановлению своего прежнего значения по силе возможности разъединение иудеев и сирийцев, вступили в переговоры с теми сирийцами, с которыми они раньше были близки, и обещали им мир и дружбу. Те охотно на это согласились. Таким образом, обе стороны вступили в переговоры, которые вели наиболее выдающиеся представители той и другой партии. Вскоре состоялось полное соглашение. После этого, желая дать друг другу веское доказательство взаимной дружбы, они воспользовались ненавистью к иудеям, напали на них неожиданно и перебили свыше 50 000 человек. Таким образом погибли все иудеи, кроме тех, кого спасли сострадательные друзья или кому дали возможность бежать близкие соседи. Беглецы направились в Ктесифон, город с греческим населением, недалеко от Селевкии. Тут царь обыкновенно проводил зиму, и здесь у него были собраны значительные запасы. Впрочем, и тут они не могли долго оставаться, потому что селевкийцы не питали никакого уважения к своему царю. Таким образом, все тамошнее иудейское население дрожало перед вавилонянами и селевкийцами, тем более, что все жившие в тех местах сирийцы соединились с селевкийцами с целью истребить иудеев. Поэтому многие иудеи ушли в Наарду и в Низибис из-за безопасности в этих городах и руководствуясь тем, что там была сосредоточена масса воинов. Таково было положение вавилонских евреев.

[ОГЛАВЛЕНИЕ] | [Иосиф Флавий] | [Библиотека «Вехи»]
© 2002, Библиотека «Вехи»

[1] Публий Сульпиций Квириний принадлежал к старинному римскому патрицианскому роду, представители которого неоднократно занимали высшие государственные должности. Трудно установить по лаконичному сообщению Иосифа о том, что Квириний "занимал все государственные должности", какие же это были должности. И хотя действовал определенный порядок продвижения по лестнице магистратур (квестор, трибун, эдил, претор, консул), при Октавиане Августе появилось немало должностей, на которые не избирали, а назначал император. Ко времени своего прибытия в Сирию в качестве наместника в 6 г. н. э. Квиринию было уже не менее 61 года: для консулов был установлен возрастной ценз в 43 года, а Квириния избрали на эту должность в 12 г. до н. э.

[2] Прокураторами обычно были представители сословия всадников.

[3] О переписи, проводимой Квиринием в Иудее, повествуется в Евангелии от Луки (2:2) и в Деяниях святых апостолов (5:37). Впрочем, существует мнение, что речь там идет о двух переписях, и это в определенной мере сказалось на установлении времени наместничества Квириния в Сирии (утверждается, что он был наместником этой провинции дважды – в 3-2 гг. до н. э. и в 6-5 гг. н. э.).

э.).

[4] О выступлении Иуды Галилеянина против переписи повествуется и в христианской литературе (Деян. 5:37).

[5] Термин "фарисеи" происходит от древнееврейского "перушим" - "отделившиеся, обособившиеся". Название саддукеев скорее всего происходит от имени Садока, древнего иерусалимского первосвященника. Термин "ессей", вероятно, происходит от арамейского "assaĵa" - "врачи, лекари".

[6] Впрочем, и в "Иудейских древностях" (XIII, 5, 9) автор останавливается на этих сектах. (Перев.)

[7] В "Иудейской войне" (II, 8, 14) Иосиф говорит о том, что фарисеи верят в бессмертие души. По их мнению, души злых людей обречены на вечные мучения, души же добрых людей после их телесной смерти переселяются в другие тела.

[8] Наиболее подробно учение ессеев Иосиф излагает во Второй книге "Иудейской войны", восьмая глава которой почти полностью посвящена описанию этой секты.

[9] Очевидно, Иосиф Флавий выбрал в качестве примера для сравнения с образом жизни ессеев одно из дакийских племен, жившее еще в условиях первобытных отношений, так как во время написания им "Иудейских древностей" в Дакии вспыхнуло мощное антиримское восстание под предводительством Децебала. Императору Домициану пришлось тогда заключить мир с даками, невыгодный для Рима. Лишь в начале II в. Дания была завоевана императором Траяном.

[10] Гессий Флор был прокуратором Иудеи в 64-66 гг. Иосиф здесь и в "Иудейской войне" стремится свести причины Иудейской войны к злоупотреблениям римских наместников.

[11] Т. е. в 6-7 гг. н. э. (битва при Акции произошла в сентябре 31 г. до н. э.).

[12] В Новом Завете он фигурирует под именем Анны. (Перев.)

[13] Это Ирод-Антипа (или Антипа), сын Ирода I от Мариаммы.

[14] Т. е. Ирод и Филипп сохранили свои владения (установленные Августом) после включения владений Архелая в римскую провинцию.

[15] Эту Вифсаиду не следует смешивать с расположенным к западу от Генисаретского озера местечком того же названия; там родились апостолы Андрей и Петр. (Перев.)

[16] По Моисееву законодательству, такой поступок осквернял храм и всех пребывавших в нем. (Перев.)

[17] Марк Амбивий - прокуратор Иудеи в 9-12 гг.

[18] Анней Руф стал прокуратором Иудеи в 12 г. и исполнял эту должность до 15 г. н. э.

[19] Очевидно, Иосиф считал первым римским императором Юлия Цезаря, а Октавиана Августа - вторым. Октавиан скончался 19 августа 14 г. н. э. (родился 23 сентября 63 г. до н. э.). Иосиф Флавий отсчитывает срок его правления с 43 г. до н. э., когда он стал триумвиром вместе с Марком Антонием и Антонием Лепидом.

[20] Тиберий Клавдий Нерон был старшим сыном третьей супруги Октавиана Августа Ливии (Юлии Августы) от ее первого брака с сенатором Тиберием Клавдием Нероном. В 4 г. Тиберий был усыновлен Августом и получил имя Тиберий Юлий Цезарь. Став императором, именовался Тиберием Цезарем Августом.

[21] Валерий Грат был прокуратором Иудеи в 15-26 гг.

[22] Галилея входила в тетрархию Ирода-Антипы.

[23] Озеро поэтому получило название Тивериадского. (Перев.)

[24] Речь идет о парфянском царе Фраате IV (40-3 гг. до н. э.).

[25] Фраат V был царем Парфии в 3 г. до н. э.-- 3 г. н. э.

[26] Ирод I правил в Парфии с 4 по 7 г. н. э.

[27] Вонон I - царь Парфии в 7-12 гг.

[28] Мидия - местность на западе Иранского плоскогорья.

[29] Селевкия находилась в Вавилонии на реке Тигр.

[30] Артабан II был парфянским царем в 10-38 гг.

[31] Вонон занимал армянский престол в 11-16 гг.

[32] Снежные горы Курдистана в Северной Месопотамии. (Перев.)

[33] Антиох III - царь Коммагены, умер в 17 г. н. э., правил не более трех лет. После его смерти Коммагена (на северо-востоке Сирии) была подчинена Риму (с 17 по 38 г. н. э.).

[34] Германик (15 г. до н. э.-- 19 г. н. э.)--племянник Тиберия; в 4 г. н. э. был усыновлен Тиберием по приказу Октавиана Августа. Германик являлся выдающимся римским полководцем, одержал важные победы над германцами. После смерти Августа он отказался от предложения своих войск стать властелином Рима. Испытывавший подозрительность и зависть к Германику Тиберий отправил его в восточные провинции. В Сирии его отравил враждовавший с ним наместник

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 18 filosoff.org
Гней Кальпурний Пизон. Германик был чрезвычайно популярен среди римлян, смерть его вызвала повсеместный траур. В отравлении Германика молва обвиняла самого императора Тиберия. Пизон перед судом сената был обвинен в убийстве Германика, жажде власти, нечестивых жертвоприношениях. Окруженный всеобщей ненавистью, он покончил с собой.

[35] Об этом писали, правда немного позднее, Светоний (Тиберий. 52) и Тацит (Анналы. II, 69-72).

[36] Употребление Иосифом термина "претор иудей" применительно к Понтию Пилату неясно. В "Иудейской войне" (II, 9, 2) Пилат назван прокуратором, так же титулуется его и Тацит (Анналы. XV, 44). Можно было бы предположить, что Иосиф Флавий хотел подчеркнуть высокую степень власти Понтия Пилата в период, когда наместником Сирии (?--32 гг. н. э.) был назначен Элий Ламий (консул 3 г. н. э.), который в Сирии так и не появился. Ранг претора полагался как раз наместнику-легату императорской провинции Сирии. Но скорее всего здесь допущена элементарная путаница, поскольку чуть ниже Иосиф и прежних прокураторов называет преторами. Такая же путаница встречается у него и с определением титула наместника Сирии Вителлия, сместившего Пилата (XVIII, 4, 2). Он титулуется бывшего консула (I) Вителлия прокуратором Сирии, фактически поменяв местами не только должности правителей Сирии и Иудеи, но даже их сословную принадлежность (к сенаторам и всадникам). Прокураторы назначались из всадников либо (только при династии Юлиев-Клавдиев) из вольноотпущенников.

[37] Можно согласиться с переводчиком текста "Иудейских древностей", что это действительно самое знаменитое место в трудах Иосифа Флавия. В связи с длительными спорами относительно подлинности этого фрагмента считаем нужным привести соответствующую цитату из "Иудейских древностей" в версии "Всемирной истории" Агапия (X в.): "В это время был мудрый человек, которого звали Иисус. Весь его образ жизни был безупречным, и он был известен своей добродетелью, и многие люди среди евреев и других народов стали его учениками. Пилат осудил его на распятие и смерть. Но те, кто стали его учениками, не отказались от его учения. Они рассказывали, что он им явился через три дня после распятия и что он был тогда живым; таким образом, он был, может быть, мессия, о чудесных деяниях которого возвестили пророки".

[38] Исида - древнеегипетская богиня, сестра и жена бога осириса. В эпоху эллинизма Исида получила функции богини мироздания, возник сложный культовый комплекс мистерий, понятный лишь для посвященных. Его главным символическим содержанием был миф о ее сошествии в подземный мир и воскрешении осириса. Культ Иисиды были присущи вера в индивидуальное спасение (Исида представлялась спасительницей людей) и загробное блаженство, мистицизм, яркая эмоциональность. Этот культ был широко распространен и в Римской империи, хотя поначалу в Риме его поклонников преследовали. Описание мистерий Иисиды дал в своем романе "Метаморфозы" (XI глава) известный древнеримский писатель II в. н. э. Апулей.

[39] Анубис - в египетской мифологии бог смерти, покровитель умерших. В римскую эпоху считался сыном осириса и богини Нефтиды (сестры Иисиды), олицетворявшей неплодородие земли.

[40] Тацит в "Анналах" (II, 85) сообщает об этом так: "обсуждался (в сенате. - Ред.) и вопрос о запрещении египетских и иудейских священнодействий, и сенат принял постановление вывезти на остров Сардинию четыре тысячи зараженных этими суевериями вольноотпущенников, пригодных по возрасту для искоренения там разбойничьих шаек, полагая, что если из-за тяжелого климата они перемерут, то это не составит большой потери; остальным предписывалось покинуть Италию, если до определенного срока они не откажутся от своих нечестивых обрядов". Тацит датирует эти события 19 г. н. э. Об этом же имеется сообщение и у Светония (Тиберий. 36).

[41] Луций Вителлий был наместником Сирии в 35-39 гг.

[42] Марцелл был прокуратором Иудеи в 36-37 гг.

[43] Тиберий скончался 16 марта 37 г. н. э. По мнению Светония, 79-летнего императора умертвил Гай Калигула (Гай Калигула. 12).

[44] Албания находилась на территориях современного Азербайджана и Дагестана.

[45] Тацит в "Анналах" (VI, 33), описывая эти события, говорит не о скифах, а о родственниках им сарматах.

[46] У Тацита говорится о том, что Артабан II призвал на помощь скифов (Анналы. VI, 44).

[47] Более подробно эти события, связанные с борьбой за парфянский престол и Армению, изложены в "Анналах" Тацита (VI, 31-37, 41-44). По словам Тацита, именно Луцию Вителлию Тиберий поручил утвердить на парфянском троне римского ставленника. "Мне известно, -- пишет Тацит, -- что об этом человеке в Риме ходила дурная слава и что он оставил о себе позорную память, но

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 18 filosoff.org провинциями он управлял с поистине древнею доблестью". Луций Вителлий позднее стал одним из приближенных императора Клавдия, ревностно помогал его супруге Мессалине в ее расправах над неугодными ей людьми, затем активно участвовал в осуждении своей покровительницы.

[48] Т. е. 34 г.

[49] Это чрезвычайно важное сообщение Иосифа Флавия об Иоанне Крестителе, о котором так много говорится в новозаветных евангелиях. Автор излагает иную версию казни Иоанна, чем та, которая приводится в Евангелии от Матфея (14:3-11). Если, по этому евангелию, причиной казни Иоанна послужила ненависть к нему Иродиады, которую тот обвинял в незаконном браке с братом первого мужа, то Иосиф видит причины казни Иродом пророка в опасности для тетрарха большой популярности в народе учения Иоанна.

В то же время Иосиф ничего не говорит об эсхатологических мотивах в проповедях Иоанна Крестителя, а именно на этом ("приблизилось Царство Небесное") сделан особый акцент в евангельских изложениях учения Иоанна Крестителя.

[50] Друг Юлий Цезарь - сын Тиберия и его первой жены Випсании Агриппины (дочери Марка Випсания Агриппы). Пал жертвой интриг командира императорской гвардии Сеяна и своей жены Ливии, ставшей любовницей Сеяна. Сеян и Ливия в 23 г. отравили друга медленно действующим ядом. Через восемь лет Тиберию стало известно об этом преступлении. Сеян и Ливия были казнены, много других людей погибло в результате чудовищной расправы, устроенной Тиберием при расследовании этого дела.

[51] Друг Старший (Нерон Клавдий Друг) - младший брат Тиберия, сын Ливии и Тиберия Клавдия Нерона. Родился через три месяца после того, как Ливия вступила в новый брак с Октавианом. Прославился во время походов в Германию (в ряде их участвовал вместе с Тиберием). В 9 г. н. э. погиб в результате несчастного случая в возрасте 47 лет. Женой Друга была Антония Младшая (дочь Марка Антония и Октавии). Женщина редкой красоты и высокой нравственности, она предпочла остаться вдовой. Именно Антония сообщила Тиберию о заговоре Сеяна.

[52] Вольноотпущенники - рабы, отпущенные на волю, но сохранявшие определенные обязанности по отношению к своему бывшему господину (патрону), чье родовое имя они принимали. В эпоху ранней империи вольноотпущенники играли значительную роль не только в экономике, но и в государственном управлении, в том числе и в провинциях. В первую очередь это относилось к императорским вольноотпущенникам. Особенно велика их роль была при императоре Клавдии, когда могущественные вольноотпущенники (Нарцисс, Пал-лант, Каллист, Посид и др.) во многом вершили внутреннюю и внешнюю политику империи. Кстати, один из них - Феликс - был назначен Клавдием прокуратором Иудеи. Однако слой вольноотпущенников был крайне неоднороден как в имущественном отношении, так и в их общественном положении.

[53] Кипра (жена Агриппы I) была дочерью Салампсо и приходилась двоюродной сестрой Агриппе. Иродиада же являлась родной сестрой Агриппы, так что Кипра и Иродиада были двоюродными сестрами.

[54] Так назывались в греческих городах чиновники, в обязанности которых, как и у римских эдилов, входил присмотр за рынками и взимание податей за доставляемые туда товары.

[55] консуляр (т. е. бывший консул) Л. Помпий Флакк был консулом в 17 г. н. э. В 32-35 гг. являлся наместником Сирии.

[56] Алабарх - должность откупщика государственных доходов.

[57] Путолы - портовый город на месте древнегреческой колонии Дикеархеи, близ Неаполя.

[58] Т. е. на острове Капри. После смерти своего сына Друга Тиберий обосновался на этом острове, не покидая его до самой смерти. По словам Светония, лишь дважды он пытался вернуться в Рим.

[59] Т. е. к Антонии Младшей. У Антонии, кроме сыновей Германика и Клавдия, была дочь Ливия, жена Друга, которая вместе с Сеяном отравила его.

[60] Внук Тиберия Тиберий Гемелл (от брака Друга и Ливии) был убит в 37 г. по распоряжению императора Гая Калигулы.

[61] Это Гай Калигула (будущий император), сын Германика. После ссылки своей матери Агриппины Старшей на о. Пандатерию, где она и погибла, Гай жил сначала у своей прабабки Ливии Августы, а после ее смерти в 29 г. у своей бабки Антонии. В 31 г. Тиберий вызвал его к себе на Капри. Тиберий крайне подозрительно относился к жене и детям Германика, были репрессированы братья Гая - Нерон Цезарь и Друг Цезарь (их уморили голодом); Гай же сумел убедить Тиберия в своей лояльности.

[62] Императорская гвардия была создана Октавианом Августом. Сеян собрал все преторианские формирования в один лагерь в Риме.

[63] Сеян был фаворитом Тиберия и после отъезда императора на Капри фактически правил государством. Целью заговора Сеяна был императорский

Иосиф Флавий Иудейские древности. Книга 18 filosoff.org
престол. Поэтому он стремился убрать возможных претендентов на трон и
пытался организовать покушение на Тиберия.

[64] Сообщение Иосифа Флавия о раскрытии заговора Сеяна является весьма
ценным, так как в сохранившихся текстах "Анналов" Тацита в этом месте
имеются существенные пропуски.

[65] По Светонию (Тиберий. 72), Тиберий заболел по дороге из Рима на Капри
во время своей второй поездки в Рим в период каприйского затворничества.

[66] Сервий Сульпиций Гальба (из знатного патрицианского рода Сульпичиев)
был римским императором с 9 июня 68 г. по 15 января 69 г. Убит
преторианцами за отказ заплатить им за свое избрание.

[67] Т. е. четвертым, по мнению Иосифа Флавия, -- после Юлия Цезаря,
Октавиана Августа и Тиберия.

[68] В "Иудейской войне" (II, 9, 6) Иосиф утверждает, что Ирод был сослан в
Испанию.

[69] История посольства к Калигуле подробно рассказана Филоном в его
сочинениях "Против флакка" и "о посольстве к Гаю". (Перев.)

[70] Речь идет о Филоне Александрийском (25 г. до н. э. -- 50 г. н. э.) --
иудейско-эллинистическом философе, пытавшемся рационализировать иудейскую
религию и соединить ее с греческой философией (главным образом со
стоицизмом и платонизмом). Некоторые идеи Филона были близки христианскому
учению.

[71] По "Иудейской войне" (II, 10, 1) -- три легиона.

[72] В "Иудейской войне" (II, 10, 5) изложена иная версия этих событий. Там
ничего не говорится об Агриппе и о том, что он добился у Калигулы отмены
решений об установке статуй императора в иудейских городах. Не фигурирует
там и соответствующее письмо Калигулы к Петронии. В "Иудейской войне" Иосиф
говорит лишь о том, что, получив письмо Петронии, император направил ему
послание с угрозой смерти за невыполнение своего приказа. Но раньше, чем
Петроний получил это послание, он узнал о смерти Калигулы.

[73] Очевидно, речь идет о зороастрийском культе.

[74] Между тремя и шестью часами утра (Перев.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!